

Воронежский
Государственный
Университет

День поэзии ВГУ LXX

Литературно-художественный альманах

25 марта 2026 г.

Воронеж
2026

Редакторы-составители: Дмитрий Чугунов, Эльвира Пархоц

Художественный редактор: Софья Чуева

Художники-иллюстраторы:

Ирина Астрединова, Мария Бочаева, Анна Дешевых, Елизавета Дремачева, Диана Жукова,
Альбина Каминская, Настасья Ланкина, Анастасия Онуфриева, Полина Полякова,
Арина Пронькина, Таисия Рыбак, Анна Федяева, Софья Чуева, Анастасия Шурыгина

Авторы обложки:

Елизавета Дремачева, Анастасия Онуфриева, Софья Чуева

Адрес для корреспонденции:

perehodn@mail.ru

Жизнь продолжается

70 лет «Дню поэзии»!

Дата, у многих вызывающая свои воспоминания... Одним приходят на ум годы советской власти. Что же – так пусть наш праздник трижды переживёт это количество лет! Другие, участники ещё первого Дня поэзии, наверное, и сами не верят, что столько огромных, разных, чудесных десятилетий в их жизни существовал этот праздник. Есть и третьи, для которых 70 лет – пока ещё только момент пути. Пути, например, к 100 годам, к Великому юбилею!

Поэзия, как легко заметить, соединяет разные души. Поэты часто обижаются друг на друга, но ведь это такая мелочь, если подумать. Все мы приходили и в конференц-зал главного корпуса, и в актовый, и в большие аудитории филфака, и во множество других мест притяжения. Приходили и те, кто регулярно печатался в альманахе, и те, чьи стихи отвергала редколлегия. Потому что это – наш поэтический день, по-своему – служение нашей alma mater.

Дмитрий Чугунов

* * *

Альманах получился пёстрым, как весенний берёзовый лес. В нём звучит далёкое эхо: здесь и доброе акаткинское «всё же!», которое по-прежнему дарит надежду начинающим авторам; и удивительный говор воронежских сёл с их «посконями» и «водолясками» – воспоминания об экспедициях филфака; и песни победной весны – сияющие среди пепла и горечи, как гвоздика или вечный огонь. С эхом прошлого перекликаются голоса из настоящего: в них – и гулкий ветер на Чернавском мосту, и чернозёмные колокола с полевыми колокольчиками, и тёплое яканье Беларуси, и сербские напевы о живом городе-сердце.

...Дмитрий Александрович Чугунов не дожил ровно одного дня и не увидел свёрстанный альманах. «Если я погасну совсем...» – говорил он в феврале. Но его негромкое, чуть ироничное, светлое слово не может погаснуть:

*И не нужен станет автомобиль,
И тем более двадцать первый век,
Я смахну с лица водяную пыль
И пойду вперёд – я, человек,*

*И, наверное, где-то среди берёз,
Потемневших, усталых, как образа,
В дождевых каплях горячих слёз
Я увижу на небе Твои глаза*

25 марта 2026 г.

Университетские поэты

Виктория Асадулина

Студентка филологического факультета

О войне

Я хотела признаться давно:
Нет, не девочка — воин в доспехах,
Повидать мне пришлось всё то,
Что не каждый осилит, поверьте.

Я ребёнок войны, тут точка.
Много хочется мне стереть,
Но вот снова стоит двоеточие —
И по кругу: автобус, билет...

Я сидела в подвале, боялась
Не за жизнь, за себя — за родных,
Они будто в секунду состарились —
И печальным случился тот миг.

Я от взрывов кричала и плакала,
Успокаивал парень чужой,
В пять часов он пошёл за хлебом —
Больше он не живой.

Засыпала я в ванной, в коробке,
И молилась дожить до утра.
Я была всего лишь ребёнком,
Не солдатом я вовсе была.

Светлана Ахмедова

Выпускница физического факультета. Заведует эстетическим центром библиотеки № 35 им. Б. И. Стукалина. Лауреат всероссийских фестивалей и конкурсов. Печаталась в изданиях «45-я параллель», «Сетевая словесность», «Дегуста», «Подъём», «Литературные встречи»

Золоти

между сном и сном покрываются реки зыбью,
дышит пыль неслышно, ветер её колышет.
темнота и только. щурится месяц с крыши.
тишина, и только печальные песни рыбы.

покажи, как вам там живётся — светло и славно, —
дымный облак, нечёткий облик, горящий голос.
золоти разбитое завтра на месте скола,
приходи между днём и днём говорить о главном.

снится — там, на краю села, на исходе неба,
где ничейный сад впадает в божью дуброву,
шевелится молча родник, замирает слово.
только валится глухо в траву алая мельба.

Прогулка

Кате Ивушкиной

посмотрите направо потом налево
вот моя провинция
сотый левел
воробьи прилётанные под забором
неказистый Осип с рукой у горла
прыг да скок от Чернавского до ашана
ловят ветер весны пятернёй каштаны

тут красиво перед зимой и после
в/ой ту степь широкую город сослан
каторжан потомки
петровы немцы
кучерявый Саша с рукой у сердца

посмотрите назад вперёд не надо
включены глушилки конец парада
и не в ногу гуляют по божьей бровке
одуванчик-бабушка
жук-коровка

Лето

Говорила: «Смотри: полынок, дикопь-геранька,
это липки, но лучше всех – душистая кашка».
Я кивала и думала – кашка, подумаешь, разве что запах.
То ли дело таинственный сумрачный колокольчик.
И вполуха слушала сказки о прошлой жизни –
было голодно, дети ели рогоза корни,
конский щавель, цветок баранчик, коробочки клёна.

Я просила: «Давай отдохнем?» Искали полянку,
доставали булку и сыр, запивали остывшим чаем
из стеклянной бутылки. Вращались на дне чайники,
а над нами в небе кружили чайниками птицы.
Набегало облако, закрывала солнце кукушка,
ты её прогоняла страшным вопросом «сколько осталось».
Шевелился в траве уставший от зноя ветер,
вышивал из листьев лето – лицо-изнанка –
и оно жужжало, звенело, летело и не кончалось.

...я его приношу как раньше домой, букетом,
наливаю воды в щербатый муравленный глечик,
всё пытаюсь вспомнить, о чём мы тогда говорили,
но оно осыпается, только соцветия кашки
попадают до декабря по углам забытым
вроде хвои, пойманной пяткой в июле, от праздничной ёлки,
и впиваются зимне и остро в самое сердце.

Снится, как звонит по лету сумрачный колокольчик.
Я теперь за тебя прогоняю кукушку от солнца, мама.

Ольга Булахтина

*Выпускница филологического факультета, лауреат литературной Исаевской премии
2025 года*

Песнь о диалектологической практике 2009 г. в селе Хлебородное Аннинского района

Рубелью небо звёздное рябеет,
Луна прядёт из поскани сукно.
И лишь студент над записью потеет,
Вздыхая, смотрит в школьное окно.

Там водоляска песенки курлычет,
Видать, к утру подтянется гроза.
Студент считает трепетно добычу,
Пытаясь тщетно разлепить глаза.

Он ставит еры с ерями упорно,
Он ищет в слове старый добрый ять.
А в диктофоне бабушка покорно
Свою задачу силится понять.

Уж скоро вторник, сроки поджимают,
Студент-дикарь, не кормлен и не мыт,
О стену лбом всё бьётся и рыдает,
Ведь Ковалёв его не пощадит...

25 марта 2026 г.

**Баллада о фольклорной практике 2008 г.
в селе Нижняя Байгора Верхнехавского района**

Раз в купальский вечерок
Девушки гадали:
В речку быструю венки
С бережка кидали.
Плыли медленно венки
По речной водичке...
Ах, те в Байгоре деньки
Будут долго сниться.

Помним первый день в селе –
Хлопоты в спортзале.
С бодрым криком «Веселей!»
Маты мы таскали.
В первый раз пошли гулять,
Всё ромашки рвали
И от ливня убежать
Тёплого не стали.

Художник Ирина Астрединова

Средь кладбищенских оград
Вечером в потёмках
В дождик – случаю ура! –
Мы нашли котёнка.
Он дрожал, смотрел потом
Взглядом, полным горя.
Сытым ласковым котом
Стал Василий вскоре.

А под утро соловьи
Залились, запели.
Только сон остановить
Трели не сумели.
Вскоре стало всё родным,
Грусти позабылись.
С сельским бытом непростым
Быстро подружились.

Вкусный завтрак и обед
Мы не просыпали.
Шлём Вам пламенный привет,
Повар тётя Валя!
Тёплым летним вечерком
В комнате-спортзале
Лицам разным за окном
Письма мы писали.

А наутро – снова в бой, –
К бабушкам ходили.
Всякой разной стариной
Мы музей снабдили.
Полюбили нас потом,
Как родных, встречали.
Малосольным огурцом
Щедро угощали.

Прибыль резко возросла
В местном магазине.
За день группа подошла
Раз по семь к витрине.
На источник мы гуськом
На святой ходили.
Шли по полю босиком,
Песни голосили.

А когда пришла пора
Уезжать, грустили.
Шли со школьного двора,
Слёзы не таили.
Провожали всем селом
Нас обратно в город.
Обещали мы письмом
Отозваться скоро.

Вот и практика прошла...
Но не страшно это!
В новом месте ждут дела
Нас грядущим летом.
Вновь фольклорного труда
Мы желаем рьяно.
С Вами съездим хоть куда,
Пухова Татьяна!

Фольклорные практики. Милые годы.
Традиции верно филфак соблюдал.
Но устных сокровищ простого народа
Всю ценность не каждый из нас понимал.

В руках диктофоны, тетрадки и ручки,
И список вопросов всегда в голове.
К бабуле идёшь... но решаешь, что лучше
Отправиться к речке по сочной траве...

Как сладко спалось даже в школьном спортзале!

Нам ласточки пели с утра, соловьи.
И мы обо всём наносном забывали,
Оставив дела городские свои.

Мы были свободны, совсем ещё дети,
И жить так легко, и весь путь впереди.
И, вновь замирая, мы слушали эти
Былички и песни, преданья, стихи...

Но взрослые мы получали уроки,
Нечаянно память людей бередя,
Когда человек пожилой одинокий
Доверчиво плакал, жалея себя...

Из города долго писали мы письма
Родным старикам, не знакомым почти.
Но только давно прервалась переписка.
Причину бы надо, но страшно найти...

И всё это было, но будто не с нами...
А может... как раз...
всё, что после... — не так...
Деревня в июле. И звёзды горстями...
Фольклорные практики.
Милый филфак...

Художник Ирина Астрединова

Ну что ж, ну что ж...
Пусть мы – лишь только хворост
Для искр вновь огрызнувшегося ада.
Ну что же... Мы – своей эпохи голос.
Другой судьбы не будет. И не надо.

Какой тогда был выбор в сорок третьем
В шестнадцать лет у дедушки Ивана?
Да что мы знали, девяностых дети,
О Кёнигсберге, орденах и ранах?..

«На хуторе у нас стояли немцы.
Пока Воронеж не освободили...
Решил – на фронт...
Куда нам было деться...»
Какую тьму в душе мы бередили?..

Да что мы знали... В тленной круговерти
Продали память мелочной эпохе.
И снова воины уходят, чтобы смертью
Напомнить внукам о России и о Боге.

Владислава Бурносова

Выпускница филологического факультета, член поэтического клуба «Левобережье»

И всё одно

Ромашки
Поле
Лепестки как счёты
Я счесть хочу сполна людское горе
Да не дано

И васильки
Закаты
Солнце в красном
Снимает нашей жизни злые маски
Но всё одно

Клубника
Вишня
В поле земляника
Нам радоваться бы природы лику
Да не дано

И звон
И колокол вдали
И мира счёты
Стучат костяшки словно бы по нотам
И всё одно

И всё одно
Ромашки васильки ли
Кто посчитает
Правильно ли жили
В крови заката
Стонем и поныне
Ведь всё одно

Осень

Осень
 Про листья в чашке
 Стихи
 Да рубашки
 Когда рукава
 Не подкатаны и запачканы
 И краски кончаются
 В октябре
 Целыми пачками
 Когда понимаешь
 Что ты уже опоздавший

И кажется
 Снова слова
 В голове
 Да только не пишется
 Хриплый твой голос полночный
 Шорохом слышится
 Я выхожу на балкон
 Где из звёзд полуночных
 На небосводе безликом
 Созвездья да точки

Мама
 Ты знаешь
 Мне снова в ночи
 Что-то не пишется
 Краски кончаются
 Шёпот невольный
 Плачем мне слышится
 И рукава расплётёрты
 Но не испачканы
 Бумагу бросаю в костёр
 Плотными пачками

Бросить
 Запеть бы
 Бежать
 Пятнами осени
 Что подарила той роще
 Скромные проседи
 Краски давить
 И бросать
 Рубашки те мятые
 Лишь бы покрылись они
 Свежими пятнами

Осень
 Про листья в чашке
 Стихи
 Да рубашки
 Когда рукава
 Пусть подкатаны, но запачканы
 И краски не кончатся
 В октябре
 Рыжими косами
 Махнула та осень
 Оставив лесам у дорог
 Скромные проседи

Художник Мария Бочаева

Послушайте*Подражание Маяковскому*

Люди танцуют
 Не потому
 Что станут великими
 Танцорами
 Просто что-то
 Рвётся наружу
 И они зажигают
 Звёзды
 На небосводе
 Своими сердцами
 А потом видят
 Их отражение
 Внутри себя
 И просто танцуют
 Люди пишут
 Не потому
 Что станут великими
 Поэтами
 Просто что-то
 Горит изнутри
 И они зажигают души
 Которые рядом
 А потом слышат
 Как кто-то
 Шепчет эти строки
 И просто пишут
 О них

Послушайте
 Ведь если
 Кто-то
 Зажигает души
 Значит это
 Кому-нибудь нужно
 Значит
 Кто-то хочет
 Чтобы они были
 И вселенная
 В их душах
 Говорит кому-то
 Ведь им
 Создающим
 Ничего не страшно,
 Да?
 Люди танцуют
 И пишут
 Не потому
 Что станут великими
 Просто это необходимо
 Чтобы каждый вечер
 Над крышами
 Загоралась
 Хоть одна
 Звезда

Художник Анна Дешевых

Мы плывём в густом тумане

Мы плывём в густом тумане,
А вокруг – ни зги.
Что бы ни случилось дальше –
Душу береги.

Лодка волны разрезает,
Плещется весло...
Только бы теченьем сильным
Нас не унесло.

Пусть и цели нет наглядной –
Но чиста душа,
Потому в прохладный омут
Не зовёт она.

А зовёт она в дорогу,
Где найдёт приют.
Может быть, стремится к Богу.
Ангелы поют...

Может быть, свободы хочет:
Крылья да полёт.
Только солнце на закате
Тает, словно лёд.

Хрустнут льдинки в тихой луже –
Лодки не видать.
Повернул кораблик детский
Время наше вспять.

На закате томно-алом
Лодку оттолкнём,
Поплывём в густом тумане,
Факелы зажжём.

Мы плывём в густом тумане,
А вокруг – ни зги.
Ты за всё, что здесь случилось,
Господи, прости.

Художник Лиза Дремачева

Роман Бутов

Окончил филфак ВГУ в 1999 г. Кандидат филологических наук. Печатался в сборниках «Лишь слову жизнь дана», «Земная колыбель», журнале «Подъём», Днях поэзии ВГУ. Работает в Воронежском государственном лесотехническом университете

5 июня 2015 Линор Горалик читала стихи из книги «Подсекай, Петруша» в помещении бывшего издательства газеты «Коммуна» (Воронеж)*

В пустом издательстве,
в заброшенном цеху –
железный пол
и птицы городские –
слова, слова
не видимые вне:

*«...кое-что было у нас с Наташей,
почти у всех, потому что Наташа была красавица:
не захочешь – а тронешь.
Почему-то всех нас бросила,
умерла из Москвы в Воронеж».*

Среди забот,
свершений и побед
другой страны,
где цех был цехом –
частью бытия:

бумага, краска,
люди и станки –
былого дня
отвергнутая злоба –
глядит с надеждой
в юные глаза,
в иные лица
завтрашних людей,
но видит лишь
насмешку надо всем,
что было жизнью –
пело и рвалось.

И ничего.

Доживём до лета – поедem к морю,
где бесстрашные люди лежат на пляже
под прямыми лучами такого солнца,
что не сыщешь ни в Питере,
ни в Ростове.

Мы пойдём как другие
в толпе беспечной,
но в песке золотом загорать не станем,
а возьмём бутылочку «Коктебеля»,
и ещё бутылочку «Инкермана».

Мы отправимся прочь от шумящих улиц
по тропинкам глухим,
что любил Волошин,
где ещё сохранились следы сандалий...
И дойдём, конечно, – до Меганома,

чтоб кудрявые камни ласкать рукою,
чтобы видеть, как волны играют
в прятки,
чтобы выпить на склоне
нектар янтарный
и вдыхать этот воздух простого счастья.

А когда возвратимся под вечер в город,
сядем ужинать засветло на балконе,
будем слушать, как звуки стихают к ночи,
обнажая задумчивый запах моря.

* Внесена Минюстом РФ в реестр иноагентов.

Екатерине Бутовой

Заступил – попытка не засчитана.
 Сколько их осталось? Ни одной?
 Так о чём, о чём же говорит она –
 та волна,
 волны,
 волне,
 волной?..

Может быть, о том, что обнаружено,
 и о том, что скрыто в глубине...
 Там, где пены солнечное кружево
 открывает путь тебе и мне.

Смеются чайки – или плачут –
 над человеческой судьбой?
 Ведь там, в полёте, всё иначе,
 где надо мной и над тобой

несётся хохот легкокрылый,
 белеет безутешный плач,
 как будто вечное мерило
 людских побед и неудач.

А здесь, где светлая разлука
 своими тайнами полна,
 лишь отголоски этих звуков
 выносит на берег волна.

Лана Владимирова

Окончила ПММ, работает программистом, член Союза писателей России

Кролик

Алисе

Даже не знаю, Алиса, с чего начать.
 Вкус у любых потерь ощутимо горек.
 Август опавшие листья смахнул с плеча,
 И подытожил холодно:
 «Жил-был Кролик».

Без вариантов, Алиса, без «если бы» –
 Это в легендах дарят бессмертье травы.
 Лучше без повода вспомни, каким он был:
 Зайчики-блики солнца
 в глазах лукавых,

Чёрная шёрстка лоснилась в косых лучах.
 То, что ворчал – уже не играет роли...
 Новую сказку, Алиса, пора начать:
 «Где-то в огромном городе
 жил-был Кролик».

Художник Софья Чужева

Высокогорное*Ю. М. Глазунову*

Размерены дыхание и шаг:
Освоились в предгорье за неделю.
Но на вершинах снег – не белый флаг,
Не свет в окне и не в конце тоннеля.

Хоть ненадолго, но поверим им.
Внизу живём совсем в ином режиме –
Пусть там других пути уведут в Рим,
А наши здесь – сойдутся на вершине!

В прогнозах мы неопытны пока:
Стартуем – намечаются преграды.
А ветер снова будет окликать,
Шепнёт река обманчивое «рядом» –

Татьяна Воронова

Выпускница филологического факультета ВГУ. Работает преподавателем. Печаталась в журналах «Подъём», «Новая литература», «Литература», «45-я параллель» и др. изданиях

* * *

Судьба всех поздравительных открыток
Примерно одинакова: исходной
Задаче с четверть часа послужить –
И продолжать своё существование
Во чреве книг (попав туда путями,
Приведшими Иону в пасть кита),
А чаще – в глубине стола и шкафа
Годами молчаливо обитать
Изящно-бесполезным артефактом,
Который и выбрасывать-то жалко,
И сохранять – большого смысла нет.

Ведь повод для несбытых пожеланий
(Любви, всех благ и далее по списку)
Сам по себе давным-давно истёрт,
И память, как чернила, выцветает.
«С любовью, Оля». Что ещё за Оля?..
Как будто мало в этом мире Оля!
Всех не упомнишь...

Впрочем, отговорки.
Открытки не теряют никого –
Поэтому так долго существуют.

* * *

Напор дождей слегка ослабив,
Июнь сереет, как серел.
Гуляет девочка в хиджабе
В моем воронежском дворе.

А двор большой, жилец не жадный –
В чём хочешь, детка, в том гуляй.
Воронеж – что с твоим хиджабом,
Что без хиджаба – не Дубай.

Жалеть ли, что чужой обычай
Переселён в подъезд один?..
Мне жаль – юбочонок и косичек,
Таких не видевших картин

В те дни, когда казался раем
Двора воронежского круг,
Где нет ни смерти, ни Дубая,
Ни белых прядок у подруг.

Кинь монетку музыканту – на углу и в переходе:
Скрипка с ним, или гитара, или старенький баян,
Попадает ли в десятку остриё его мелодий,
Или, может, исполнитель слегонца сегодня пьян

И не ждёт аплодисментов, и играет не без сбоя, –
Всё равно ему на радость и полтинник, и пятак.
Это город многоликий стал беседовать с тобою:
Города – они частенько разговаривают так.

На углы и в переходы не заглядывает мода:
Там всегда одна программа – от души и для души.
Если души ходят рядом, к ним другого нет подхода.
Кинь монетку музыканту – он и больше заслужил...

Жара вот-вот сведёт с ума
(Ну как не съехать крышам старым?),
И низкорослые дома
В оправе тополей усталых

Стоят, сдувая серый пух,
Налипший на стекло и раму...
У этих стен особый дух –
Смиренный, славный и упрямый.

Провинция?.. – Подобных слов
Я не стыжусь – без всякой позы.
...А в городе проснулись розы
Тревожным новостям назло.

Художник Анастасия Шурыгина

Олег Гулько*Выпускник физического факультета*

Стоишь на старте. Флаги реют.
 Нетерпеливо ждёшь свистка.
 Вокруг толпа гудит, пестреет,
 И ты волнуешься слегка.

А впереди белеют горы,
 Зовут безмолвно всех к себе.
 Звенят, стихая, разговоры,
 Готовы все к броску, к борьбе.

Бежишь вперёд ты за мечтами,
 За солнцем – вверх, крутой тропой.
 Вокруг сверкает мир снегами.
 Красиво... небо, лес, покой.

Сквозь тучи, облака и ветры,
 Вдыхая грудью воздух гор,
 Мы покоряем километры,
 Всем скептикам наперекор.

И дышится всё тяжелее,
 Но солнца луч вперёд зовёт
 Вершину покорить скорее.
 Сквозь дождь и снег – вперёд, вперёд!

Дождь спешит за прохожим: как же за ним поспеть?
 Может, дело в том, что прохожий этот... умеет петь?
 Под дождём. Не боясь промочить себя,
 Он в моменте живёт, и счастлив, весь мир любя.

Словно солнце не скрылось до срока за пеленой небес,
 Он шагает по лужам, для него будто дождь исчез.
 И напрасно удивляются бегущие люди вокруг,
 Просто он так решил – не спешить и не прятаться –
 вдруг.

Не бояться промокнуть в потоке весенней воды,
 Согреваясь теплом изнутри от тревог, суеты.
 И умыться дождём под зелёными кронами лип,
 И послушать плач соловья и деревьев скрип.

Неплотно прикрыв глаза, запрокинуть лицо наверх,
 И чувствовать удары капель о кожу, как фейерверк.
 Как будто нырнул с головой вниз под толщу воды,
 И смотришь на тусклое солнце далёкой звезды...

Кристина Егорова*Филологический факультет***Девятнадцать**

Запомни меня в мои девятнадцать,
 На разрыве страниц между «быть» и «казаться»,
 От края ресниц до кончиков пальцев
 Сердце забьётся для вечных скитальцев,

Смелость боится своих постояльцев,
 Они попаданцы из мира субстанций,
 Им остаётся гореть или драться,
 Зритель застыл в ожидании оаций.

Время – глоток почерневшего глянца,
 Мой путь – остановки на множестве станций,
 Когда нужно уйти, для того чтоб остаться,

Запомни себя
 В мои девятнадцать.

Соль морей

Солью морей наливаются яблоки
 Глаз – я на берег, а волны за облаком –
 Раз – и назад – потеряться без времени,
 Я не знаю, где я, кто, какого я племени.

В млечном пути звёзды бегают вверх и
 Вниз – он прокис и не помнит имён и
 Лиц – почернел, задохнулся от смеха,
 Звёзды плесневеют, не дожив своего века.

Там, где был свет, теперь цепь да оковы,
 Стих стук копыт и в пыли все подковы,
 Лих вороной, да несётся всё набок,
 Услышал чёрный ворон с высоты сил упадок
 Веха петли имеет свойство пошатнуться,
 Бац – и абзац, только бы не спотыкнуться,
 Клац – крокодил разминает свою челюсть,
 До зелёной седины в смешной тоске согреюсь.

Укрывшись в дыму, засыпаешь под холод,
 Прах с сигарет засыпаешь за ворот,
 Страх впопыхах раскрывает свою пасть,
 Он принюхался давно и почуял свою власть.

Он смотрел сквозь окно так, что видно отраженье,
 Сгиб позвонка выражает удивленье,
 Скрип – ветер пел, он уже ополумел,
 Смажьте петли у двери, пока не обезумел.

В чёрных зеркалах отражается чёрное,
 Ляг, отдохни, и забудешь всё спорное,
 Шмяк – кто-то там рухнул на пол у входа –
 Вечность вышла покурить – споткнулась о свободу.

Владимир Емельяненко

Выпускник физического факультета ВГУ. Член клуба поэтов «Лик»

Весна моей судьбы

Весна моей судьбы,
 На улице – жлобы.
 Портрет и флаг, парторг стоит, как кол.
 Он трёт в мозги нам лозунги борьбы,
 А дома – маг и добрый рок-н-ролл.

В углах темна урла,
 А у ворот – кодла,
 И это, брат, ни разу не прикол.
 А ты – дурак, похожий на битла.
 Но дома – свет и чистый рок-н-ролл.

Играет алый стяг
 Над шоблой работяг,
 Они горилку дуют через ствол.
 А у Витька – хороший новый маг
 И первый дубль, забойный рок-н-ролл.

Чувиха эта – ртуть,
 У Ленки – бёдра, грудь,
 И не упрятать свой упрямый ствол.
 Эх, пригласить бы девку, как-нибудь
 На ночь, портвейн и жёсткий рок-н-ролл.

Сверкнули дни тепла,
 Ан, молодость прошла.
 И ты пахал, и ты потел, как вол.
 Но несмотря на все твои дела,
 С тобою был всегда твой рок-н-ролл.

Ты скажешь: «Здравствуй, Брут!
 Твои часы не врут.
 Нам скоро хором уходить на стол.
 Но подари мне эти пять минут:
 Я отпляшу последний рок-н-ролл».

Дмитрий Ендовицкий

Выпускник экономического факультета, ректор ВГУ в 2011–2025 гг.

Борьба с весом

Удивительное дело
В нашем доме завелось:
Сверхъестественное тело
Ночью в кухню пробралось!
Явно слышен холодильник,
От кастрюли чёткий гул,
Не работает светильник,
Кто-то сдвинул стол и стул.
Утром видим – нет жаркòго,
Смачно ели бутерброд,
Нет секрета никакого –
Ночью кушает народ!

Но никто не признаётся –
С вечера семья не ест.
Вес откуда-то берётся...
Как решить нам этот квест?
Все учитывать котлеты?
Холодильник под замок?
Или раздавать билеты –
Кушать всеми точно в срок?
В людях массы нарастали –
Все повесили носы.
Ночью кушать перестали –
В кухню куплены *весы!*

Виктор Колесниченко

Родился в селе Покровка Приморского края. Окончил филологический факультет ВГУ, курсы иностранных языков Юнеско в Москве. Работал в строительных организациях, сфере народного образования, преподавал в Центральноафриканской Республике. Автор шести поэтических сборников и публикаций в коллективных сборниках и альманахах

Мир ловил, не поймал да и плюнул,
И не нужен я вовсе ему.
Это прежде и легким и юным
Я ступал в непроглядную тьму.

А теперь, когда козыри биты,
Выхожу на открытый простор.
И ни эха не надо, ни битвы.
Самый тихий у нас разговор.

Липы над тёмною речкою.
Красный застывший закат.
Под отпылавшею свечкою
Плотно наплывы висят.

Облачной твердью нетающей
В край, где светло и покой,
Плыть бы да плыть затихающей
Тёплой молочной рекой.

Дорога

Те, кто был от меня
на судьбу впереди,
Кто дорогу торил,
чьи маячили спины,
Постепенно в туман
за черту уходил,
Оставляя дорогу
пустынной.
По обочинам пыль
и присохший бурьян.
Возле глаз горизонта
полоска.
Бесконечный простор,
от которого пьян.
И присыпанный след,
чуть заметный
отцовский.

То моросит, то потянуло дымом,
То вдруг промочит бешеным дождём.
Какое счастье с нами рядом было,
Когда мы и не ведали о нём!

То ветрено, то знойно, то дождливо,
А то гроза вдруг полыхнёт огнём.
Такое счастье бьётся в наших жилах,
Что и не надо думать об ином!

Смеркается. Туманы по низинам.
Прощаемся осенним хмурым днём.
Какое счастье в наших долгих зимах!
О, только б жить, не думая о нём.

Стоял июль. Гудело лето
Как печка. Пчёлы. Синева.
И жизнь сполна была одета
В нарядное. В цветы. В слова.

И это было не одеждой,
Не кожей даже, а нутром
Большой и обжитой надежды,
Уже назначенной на слом.

Настасья Ланкина

Студентка филологического факультета

Из цикла «Ана»

Ана

Я понял:
это *ана* —
вот, как говорится, «моя».
Анализировал,
вспоминал,
когда ж наступила «хана»?
Не всегда же был
анабиоз,
не с рожденья ж
тахикардия?

Ана из тех девушек,
что пополам
разрежет на гильотине,
если за
три...
два...
оди-и-и-ин...
не успеть придумать ответа
на глупый,
банально тупой,
«жизненно необходимый»
вопрос:
«Если я буду твоим червячком,
Ты не отдашь меня птичке?»

или:
«Ты забыл, какой сегодня день?»
(в голове: «Хоть бы не День Рождения!»)

или:
«Если я умру, ты начнешь отношения
с какой-нибудь новой женщиной?»
(Конечно же нет.
Ана предварительно меня кастрирует;
клянусь: сначала поплачет
о новой лучевой залысине,
а потом
«чик-чик»
и уже мой червячок
волнуется о променаде с синичками.
Я не пошляк!
Возможно, ещё увидите...)

Ана — анаморфоз:
Бог не из глины
вылепил эту женщину.
Под одним углом —
не поймёшь.
Под другим —
не поймёшь.
Под третьим —
предположишь...
и ручки крестом уложишь!

В баре друзья,
одинокие и женатики,
спрашивают:
«Ну и баба!
Зачем, ну зачем,
легален же лупанарий!»
Я тихо смеюсь,
пьяно жалуясь,
отшучиваюсь,
мол без неё –
«Спасите! Я задыхаюсь!»

И когда с пятой рюмочкой
«ана» превращается в «сучечку»,
когда я и сам,
перебрав чуть-чуть,
спрашиваю:
«Может, ну его на...?»
Пиликает телефон.

На экране красивая женщина.

Два кружочка
с трубочками.
Зелёный сигнал: «Переходи!»
Красный: «Постой, задавит!»
И имя,
Имя её:
Анна.
Рядом подпись:
«Любимая».

Привстаю с диванчика:
«Пацаны, отойду...»
Друзья недовольно:
«Каблук!»

Ох, друзья.
Если *ана*,
Если *Анечка*,
Анюта,
Аня,
Если ангел мой
потеряет свои таларии,
то стану я
большим каблуком
новеньких её «Prada».

Повешенный

Ана верующая.
Моя *Анечка*
думает, что любая примета
вещая.

Ана – рыбы по гороскопу,
петух женского полу,
таро «влюбленные» по аркану...
не понял её гексаграмму,
но по-моему «Да Ю» –
вот бы просто «даю»
в нашу астрономическую программу...

У неё на груди...
то есть на «солнечном переплетении»:
мой поцелуй,
серебряный крестик,
карта таро,
кулон с заколдованной шерстью...

И желание «завязать»:
мол, по матрице судьбы
венчанье для нас – гробы.

Я видел её плачущую
под Матрёниныными образами.
Я видел её нагую
венки плетущую под Купалу.
Я видел её ранимую,
разводящую кофейную гущу.
Я видел её загадочную,
Достающую «роковую» карту...

«Император».
Рядом: «Отшельник»,
«Повешенный».
Это даже не приговор.
Это безапелляционное умерщвление.

Ана – рыдать,
руки мои отталкивать,
тряпки с пола свои собирать,
про арканы кричать,
вообще много:
кричать,
кричать,
кричать:
про Божью волю,

про судьбу,
 про астрономическое видение,
 а там уж пошло:
 «Ты не внимательный,
 ты не бреешь руки,
 ты не хочешь меня в супруги...»

Я не хочу?!

«Я не хочу?!
 Это я отношения порчу?!
 Это ты день и ночь
 очередную колдуешь порчу!»

Разорвал карту,
 Ушёл к себе,
 Загеноцидил фигурку Будды.

Неделя прошла.
 Неделя и ночь.
 Без недели и ночи как месяц
 Она живёт у подруги,
 А у меня —
 Небритые одинокие руки...

Ведь мы так любили!
 Любили.
 Но «Император», «Повешенный»...

Не карту мы,
 — чувство!
 Чувство,
 глупые,
 взяли,
 — не сберегли.

Художник Арина Пронькина

Оксана Лесовик

Старший лаборант юридического факультета, член Союза писателей России, член поэтического клуба «Левобережье»

Бумажный кораблик

Осень. Шепчет погода.
 Остывает река.
 Я в холодную воду
 Окунаюсь с рывка.
 Детство с запахом яблок,
 Небо с шелестом трав.
 Я бумажный кораблик,
 Заводной батискаф.
 Я ныряю к глубинам
 И, как будто бы вскользь,
 Пропускаю за спину
 Облака и рогоз.
 Достая до беззубок,
 До песка, до корней.
 День прозрачен и хрупок
 Среди множества дней.
 Выхожу. Я озябла.
 Стайку рыб распугав,
 Вдруг войду в запах яблок,
 Прикоснусь к звуку трав.
 Померещится лето,
 Плеск реки сквозь года.
 Я уже не приеду:
 Остывает вода.
 Только хмыкну однажды:
 Что поделать со мной?
 Я кораблик бумажный,
 Батискаф заводной.

Художник Анастасия Онуфриева

Девять жизней

Я не кошатница: встречают по одежке,
 Но мне подруга говорит, прищурив глаз,
 Что у меня есть девять жизней, как у кошки,
 И я живу свою восьмую в этот раз.
 Что мне ответить...? Даже если и восьмая –
 Я в первый раз иду по скрученной восьмой,
 Но иногда мне кажется: я понимаю
 Гораздо больше, чем хотелось бы самой.
 Здесь тополя как в первый раз шумят листвяно,
 И я люблю как в первый раз, и жизнь на вкус
 Опять свежа. Я как впервые рву тюльпаны
 И снова к свету через сумерки тянусь.

О чём ты думаешь?

О чём ты думаешь, скажи?
 В окне желтели этажи,
 Снег падал искрами во тьму,
 Теряясь, тая, исчезая.
 Как и вчера, он, ускользя,
 Вдруг не достался никому.
 О чём тут думать? О зиме,
 О том, как ты читаешь мне
 Стихи сердечно и небрежно.
 О лестнице наискосок,
 Как поцелуй летит в висок,
 Но метит в губы неизбежно,
 Как снегом мрак пересечён,
 Как Бог влюблён. А ты о чём?

Я

Я – это вещи. Белый цветок в горшке,
 Мамина брошка, бабочка под стеклом,
 Письма, часы на кожаном ремешке,
 Плюшевый заяц, тушь и фотоальбом.
 Я – это память. Липы цветут всюду,
 Рыжий лилейник, ливень на все лады,
 Липнет рубашка, а тополиный пух
 Мокнет, а я... Я – отзвуки той воды.
 Я – это время, скрученный ДНК:
 Машины жесты, папин холодный взгляд,
 Профиль прабабки как-то издали –
 Вот они, из зеркал на меня глядят.

Я – это свод привычек от а до я:
 Ключ, позабытый в заднем кармане брюк,
 Чай обжигающий, простынь измятая,
 Шутки над болью и суеверный стук.
 Я – это чувство, кровь горяча моя,
 Зверем прирученным ласку к твоей руке.
 Я – это книжка, песня печальная,
 Точка и искра, имя в чужой строке.
 Я человек всего-то. Быль-пыль. Да-нет.
 Я твой вопрос на самый простой ответ.

Елена Пархоц

Выпускница факультета ПММ

Песенка травы

Я трава. Держусь за лето,
 За любимые портреты –
 В даль по небу облака
 Над холмами, вокруг река
 Серебрится хороводом,
 Ходит через речку бродом
 Время, сеятель-косарь:
 Сеет-косит – всё как встарь,
 Взмах – и ахнет в покосы
 «Ах, какие были косы...»

Не покошена пока,
 Я держусь за берега
 Родниковые, за струи
 Дождевые, и под сбруей
 Золотой – веду конька
 Седенького, Ветерка.
 И пою себе: Трава,
 Радуйся, пока жива!

У Ведуги

Пастух сегодня вместо коз
 У речки детства пас стрекоз.
 Затихло время – стук колёс...
 И до сколько он пас? – до слёз.
 Сквозь слёзы улыгнувшись Богу,
 Вздыхнул: «Спасибо за дорогу».
 А козам, возвратясь к сараю,
 Сказал: «Тут есть дорога к раю».

Бабочка в рамке

Как ты прекрасен, мотылёк!..
 Кто крылышки твои раскрасил –
 От зла их не обезопасил, –
 Настолько был от зла далёк.

А зло изобретёт сачок,
 Наколет душу на булавку,
 В коробку – рамка, фон – и в лавку,
 А там найдётся дурачок –
 И купит мёртвое распятыё
 Для оживления стены...

Живое! Нет тебе цены! –
 Без рамок... где полей объятья...

Семена

Буду собирать семена...
 В завтрашний их день буду верить:
 В то, что не война, а весна
 Добрая придёт, веять-сеять...

По пакетикам разложу:
 Спите сладко, ждите, ребята.
 Имена и год надпишу...
 Жизнь – письмо, кому-то, куда-то...

Надо собирать семена!
 И всегда готовым быть к свету:
 Вдруг придёт весна, не война, –
 Сеять, а семян-то и нету.

На вираже

Похолодало – так и грустно стало.
 Не хочется ни вишни, ни черешни...
 Под толстое залечь бы одеяло
 И сны смотреть про день минувший вешний...
 Так и не спится же! «Проходит лето...
 Нарвать бы надо липового цвета...» –
 Зудело дело комаром над ухом...
 Встаю. Кружу по саду сонной мухой,

Кружу... И на каком-то вираже
 Гляжу: и распогодилось в душе,
 И, вроде бы, в природе потеплело,
 А дождь прошёл – так и повеселело.

В ненастье продолжайте не спеша
 Кружиться, до такого виража.

P. S. И даже если мир на волоске –
 Ну не тонуть же в собственной тоске?!

Аркадий Пресман

Выпускник филологического факультета

Рябой фасад краснокирпичной школы.
 Здесь трещины, пробойны и сколы –
 приметам невзгод прифронтовых.
 В холодном классе пацаны сидели –
 в тужурках, перешитых из шинелей,
 деля один учебник на троих.
 Из пункта А в пункт Б уходит поезд...
 Задача это или, может, повесть,
 которую я помню наизусть?
 В ней мартовская слякотная грусть
 того послевоенного вокзала,
 где люди, ожиданием томясь,
 размазывали по перрону грязь,
 где хриплая гармоника страдала.
 В той повести запутанный сюжет.
 В ней главы, словно вёрсты расстояний,
 сплелись в одно из горестей и бед,
 разлук и встреч и новых расставаний.
 Дорожная сумятица задач,
 где знаков нет на трудных перекрёстках.
 Решали их притихшие подростки
 под вдовый стон и безутешный плач...
 Дробя на перегонах тишину,
 мне отстучал, наверно, эту повесть
 тот рядовой, пропахший гарью поезд,
 что к нам прорвался через всю войну.
 1979

Расстрел

На редкость день сегодня солнечный.
 Такой, конечно, подойдет.
 Осталось группе киносъёмочной
 отснять последний эпизод.

Помрежа указания слушаю:
 на гимнастёрке рву крючок.
 В массовке занят я по случаю.
 Я в этом деле новичок.

При шрамах я и при погонах.
 Я в танке полубогорел.
 Нас, по сценарию, погонят
 фашисты к балке на расстрел.

Все как положено: овчарки
 и автоматы смотрят зло.
 Но заступило путь отчаянно
 конвою здешнее село.

Киношник в галстук отглаженном
 твердит просительно одно:
 – Угомонитесь, что вы, граждане,
 ведь это, граждане, кино!

И понимает вроде публика,
 и вроде пыл её остыл.
 Но кто-то половинкой бублика
 «фашисту» в каску угодил.

И режиссёр уже растерянно
 даёт команду «стоп» опять...
 Нас пятый раз ведут расстреливать
 и всё не могут расстрелять.

1979

Без обелиска

Чудной мотив насвистывая тонко,
с кормушкой птичьей в худенькой руке,
мальчишка начертал на бугорке:
«Могила неизвестного щеглёнка».

Дивились приднепровские осины,
как поутру, совсем не второпях,
три василька и колокольчик синий
из тёплых рук легли на птичий прах.

Мальчишка был не из тепличных деток:
с откоса в воду прыгать обожал,
скворцов любил без проволочных клеток
и соловья в неволе не держал.

Очаровали пацанёнка трели
не в тесной клетке — в тереме ветвей.
Не отстранясь, он в зимние метели
подкармливал синиц и снегирей...

А время шло. Моторов рокот мерный
услышала держава на заре.
Тревожно проступало: сорок первый
на каждом отрывном календаре.

По гулким рельсам поезда катились,
дышала степь угрюмостью свинца.
И напряжённо, и смятенно бились
разноплеменных беженцев сердца.

Настигнутый бомбёжкой окаянной,
любитель птиц одиннадцати лет
уснул в могиле общей безымянной,
на ней цветов и обелисков нет.

В небесной Книге Божьей, а не в книжке
мерцают судьбы чьи-то вдалеке.
Мне горько, Отче.
Только понаслышке
я знаю о двоюродном братишке
с кормушкой птичьей в худенькой руке.

Уроки немецкого

Учитель был подслеповатым,
с портфелем стареньким в руке.
Виднелась у него заплатка
на мешковатом пиджаке.

В немецком он души не чаял,
а если кто-нибудь бузил,
то вопрошал он так печально:
«Was machen sie?»

Чтоб не довлел учебник слишком,
охотно приносил он в класс
альбомы редкие и книжки
и Веймар открывал для нас.

И улыбался так по-детски,
про наши позабыв грехи,
когда с пластинки по-немецки
звучали Шиллера стихи.

И возникали строфы Гёте,
и «Венский вальс» красиво плыл...
Но вот однажды сдуру кто-то
ему пластинку подменил.

На ту трофейную, с которой
опять гремел военный марш
и где опять, друг другу вторя,
ораторы впадали в раж.

Маньяка напрягалось горло.
Какой там, к дьяволу, рояль,
когда из тысяч глоток пёрло
незатихающее «Хайль!»

Очки снимал учитель, словно
увидел прошлое вблизи,
и повторял он потрясённо:
«Was machen sie?»

Вконец растерянный, поникший,
о чём он думал в этот миг?
Уж он-то знал, баварец бывший,
изнанку праздников таких...

Его из школы попросили —
не разбирали, чья вина.
Спасибо, что не посадили —
пришли иные времена.

Внезапно всё перемешалось,
другие пешки и ферзи...
А всё же в памяти осталось:
«Was machen sie?»

9 Мая

Дионис прав, ему не до интриг,
он пребывает в антикварном томе.
Все поглупели, винодела кроме.
Земная мудрость в коньяке и роме,
но бесприютно и пустынно в доме,
где не было и нет любимых книг.

Алисову особая осанна,
гуляка он и книжник заодно.
Боготворит Володя Мопассана,
а также виноградное вино.

В тот майский вечер от кустов сирени
благоуханье плыло по дворам,
и светлые родительские тени
пришли, Володя, незаметно к нам.

Негромкая мелодия звучала.
Когда ж приёмник на минуту стих,
мы выпили с товарищем сначала
за умерших, а после за живых.

Наполнив рюмку смуглому кумиру,
мы выпили, не пожалев о том,
за гения, за пушкинскую лиру,
оставив Мопассана на потом.

Поддерживая добрую беседу
и отрешась от будничных забот,
мы выпили, Володя, за Победу,
за незабвенный сорок пятый год.

За тех безусых на военной фотке,
за всех солдат, что не вернулись в дом,
мы выпили по стопке русской водки,
коньяк и ром оставив на потом.

Ну а цветы, не хвастаясь окраской,
мерцали в день особых годовщин
на пяточке, на улице Рязанской,
напротив дома 51.

Валентин Рахманин

Вечный студент ВГУ, профессор. Участник первого «Дня поэзии ВГУ»

Три цвета в нашем знамени
Необоримой силы.
Среди живущих стран и вер
Осталось слово СССР
В скорбящей памяти
Немеркнувшей России,
Свой смысл навечно затая.
Под небом грозовым и синим
Не оскорбляйте бытия
В скорбящей памяти России.
Оно не призрак в бездорожье,
Не своевольная мессия.
Историю не нам итожить
Не оскорбляйте памяти России.

Коль растеряло смыслы слово
В сквозной и гулкой пустоте,
То сокровенно и безмолвно
Качнётся правда на кресте,
Изменит праздники и будни,
Сгорит бывшее на кострах.
Первоначально было слово
Не для забавы и нитья;
Оно судьбе единокровно
Как откровенье бытия.

*А туда, где молча мать стояла,
Так никто взглянуть и не посмел.
А. Ахматова*

В словах «Христос воскрес»
Звучат загадка и отрада...
Христа отправили на крест,
А Он искал единства правды.

Там, на Голгофе-горе
Под возгласы народа
Его распяли на кресте,
А Он искал свободу.

По совести, а не за страх
При всяком жизненном исходе
Не распинайте на крестах
Ни правду, ни свободу.

И верьте иль не верьте,
Но в этом истина Христа,
Его призванье и бессмертье
И откровение с креста.

Сонет

Е. Н. Крупко

Бывали чудные мгновенья,
И Ваше дивное сопрано
Своё таило откровенье,
Душевные врачующая раны.

«Не искушай... Всё безвозвратно...»
И я поверил в Ваш романс,
Но, не смиряя все утраты,
Хотел бы вновь услышать Вас.

Былое не было нам чуждым,
Как уверяет тот романс.
Нам будущее не подсудно.
И всё ж судьба подарит шанс.

Со временем крутым не в масть
Надеждам Вашим не упасть.

Олег Рахманин

Выпускник физического факультета

Из цикла «Деревья»

Деревья...
Их корни –
Их нервы
Сквозь миры и культуры
Уходят в такие глубины земли,
Когда не было сказано первое слово.
А кроны
Сквозь камень и асфальт
Взмывают на уровень небоскрёбов 21-го века,
Возвращая людям украденное солнце.

...От отцовского корня
Рождённый под утро,
Рванулс я вверх и выбрался вон.
Расти мне было отчаянно трудно
Сквозь ржавь и осколки всех войн.
...По капле росы, по дождинке, по крохе

Я черпаю силы в глубинах земли.
В какие события, в какие эпохи
Корни-нервы мои выросли! –
Вот пепел Помпей, вот берёсты остатки,
Вот пращеловека следы,
Вот Пушкина кровь, вот копыт отпечатки
Волчьеглазых коней орды...

Скажите, вам никогда не приходилось
Кончиками пальцев,
Самыми кончиками пальцев,
Хотя бы на миг
Ощутить
Всю
историю
человечества?

* * *

*Сто раз я нажимал курок винтовки,
А вылетали только соловьи.
Б. Окуджава*

Горбатый пиджачок
Накинув на плечо,
Я к людям выхожу,
А сердцу горячо.
А сердцу горячо,
Оно стучит едва.
Я счастьем обречён
И кругом голова.
И льётся благовест,
Хоть я совсем не свят.
Гитара – вот мой крест,
И я на нём распят.
Наступят дни весны.
Вернутся соловьи,
И будут петь они
У Спаса-на-Крови.

Военкоры

*Я хочу, чтоб к штыку приравняли перо.
В. Маяковский*

Бумажные солдатики
Всегда идут в огонь.
Не за медали-почести,
Не ради громкой славы.
Успев нам на прощание
Едва махнуть рукой. –
За кровь и слёзы Матушки-Державы.

Мундиры пусть бумажные,
Да души не чернильные.
И штык их потягается
Закалкой со стальным.
Пути-дороги бранные
Мы сами проложили им
Через поля сражений,
Пожаров смрадный дым.

Под пулями, под бомбами,
Иссечены осколками,
В жару и стужу лютую
В болотах ли, в снегу ли
За наше небо доброе,
За наше детство долгое
Бумажные солдатики
Стоят на карауле.

Бардовская зимняя

В нашем городе снова зима,
Как четыреста лет назад.
Заметает дворы, засыпает дома
Снегопад, снегопад, снегопад.
И цепочка следов в никуда...
Вот знакомый подъезд, знакомый этаж.
На окошке твоём сияет звезда,
Лифт – с разбегу на абордаж!
Падает снег, снег, снег...
И нет разлук. Нет? – Нет!
И прошлых лет нет, нет...
Чушь, но... Падает снег!
А зима нынче да не как встарь, –
Я сегодня до нитки промок.
Значит, кто-то небесный ларь
Смог закрыть на большой замок.
И лежит в сундуке мороз...
И метель, и пурга среди вьюг лежат.
А ещё в нём – снежинок воз,
Так похожих на медвежат.
Чайник фыркает от кипятка,
И заварка темнит стекло.
В гости я заскочил лишь на полглотка,
А уже на душе отлегло.
И плевать нам на дождь и мглу.
Подтяни-ка в басу... третью.. Хорош!
Вечер тенью присел у окна в углу
Слушать струн нежную дрожь.

Лев Рудковский

Выпускник естественно-географического факультета Южно-Сахалинского государственного педагогического института. Участник Дней Поэзии ВГУ с 2015 года. Член Союза писателей России

Музыкант

Звучит старинный менуэт
В притихшем зале.
Ты за роялем. Гаснет свет.
Играешь жизнь с начала.

Звучит старинный менуэт,
Летят мгновенья.
Какой оставишь в мире след?
Свет вдохновенья.

О чем же музыка твоя,
Сюжет картины?
Часы, минуты бытия
Идут с горы лавиной.

Артист, герой или боец,
Маг-исполнитель.
Зовёт мелодия сердец
На торжество открытий.

Елена Смолицкая

Доцент кафедры финансового права ВГУ, кандидат юридических наук. Руководитель поэтического клуба «Левобережье». Реализует проект «Про юных и отважных»: проводит поэтические вечера для детей и молодёжи о юных героях ВОВ. Выпустила сборники стихотворений: «Девушка с зонтиком» (2015 г.), «Горела молодость» (2018 г. с переизданиями). Ведёт группу ВК «Творчество для жизни»

Закономерность

Я мир таким когда-нибудь приму,
Пойму, что боль и страх закономерны,
Что в этой жизни радости кайму
Не каждый может вывести, наверно.

Девчонки, что за волосы подруг
Таскали за соседского мальчишку,
Забудут про него. И вспомнят вдруг,
Когда их дети, чудо-шалунишки,
Сойдутся за углом на кулаках.
В кого они пошли? И как так можно?
Мы держим мир в своих, своих руках.
Здесь просто всё и потому так сложно.

В окопах парни – грязные, в крови –
Спасают речь родную, свято веря,
Что мы здесь всё решаем по любви,
Что человека вырастим – не зверя.
Кто отдал жизни – смотрят из-за туч
На наши нерешённые дилеммы.
У нас – неровен час, язык колюч,
А по весне – все ходим по воде мы.

Смотрю на небо. Чисто и светло.
Одной рукой другую грею руку.
Так не бывает, чтобы всем везло.
Не миновать нам вечную разлуку.
Есть свет и тьма. Есть радость, боль и страх.
Порой не оступиться слишком сложно.
Бог в небесах. А мир – у нас в руках.
Я жизнь люблю. И верю: всё возможно.

Мой журавль

Ищу тебя, мой ласковый журавль,
И не держу синиц в коварной клетке.
Мне времени упущенного жаль,
Но верю, что появишься на ветке
Под самым чистым — под моим окном
И крыльями замашешь вдохновенно.
Моя ладонь, моя душа и дом —
Всё ждёт тебя — светло, самозабвенно.

Ты где-то в небесах сейчас паришь,
А я творю себя, твоя невеста.
Но ждёт тебя не Лондон, не Париж,
А город мой. И нет уютней места
Для нашего счастливого гнезда,
Которое когда-нибудь построим.
Веди его, счастливая звезда,
Чтоб мой журавль пришёл ко мне героем.

Художник Анна Федеьева

В полный рост

*Основано на реальных событиях. Посвящается
бойцу Виктору*

Анализ и выписка — всё об одном:
Недолго осталось ходить по земле.
И он уезжает, оставив свой дом,
Туда, где ребята в крови и золе.

Решил он последние дни посвятить
Служению Родине, битве с врагом —
Гореть в полный рост, но не чахнуть, не гнить!
Такие готовы идти напролом.

Он жизнь эту любит не меньше, чем мы,
А может, и больше, а может, сильней!
Но он не боится звереющей тьмы.
Обузой бесцельно ждать смерти страшной.

Вот бой. Перестрелка. Ребята лежат:
Не могут продвинуться даже на шаг.
Он встал в полный рост, сфокусировав ад
На тело своё. Раззадорился враг —

Стреляют в живую, живую мишень!
Ребята в атаку в тот миг побегут.
Не в душной палате закончится день.
Его завершает смертельный салют.

Мать

Себе теперь я не принадлежу:
Я хлеб, я плед, я песня и покой.
Растёт побег. Я радостно гляжу,
Накрыв от бед усталую рукой.

Я есть земля, вода и молоко,
Я скважина, большой реки исток.
Никто не спросит, было ли легко...
Я лью себя — и вверх идёт росток.

Из толщи плоти, хлеба и воды,
Ночей и дней, ногтей, волос, зубов,
Из отведённой вовремя беды —
Берёт начало жизнь, судьба, любовь.

Анна Степаненко*Выпускница экономического факультета***Кусака***По одноименному рассказу
Л. Н. Андреева*

Собака выла. Горько. Безнадёжно.
Молчал угрюмо одинокий сад.
Лишь лист осенний вздрагивал тревожно,
Летя в ночи промокшей наугад.

И было в этом плаче столько боли
В добро людей поверившей души,
Отвыкшей было от собачьей доли:
Побоев, голода и человеческой лжи;

Нашедшей дом, хозяйку, её ласку,
Забывшей злобу, ненависть и страх;
Попавшей из бродячей жизни в сказку –
Жестокою, как оказалось, сказку, –
Где дождь, отчаянье и беспросветный мрак.

Собака выла. Чёрными глазами
Пустых окон ей вторил дачный дом.
Эх, люди! Неужели вы не знали,
Что станется с Кусакою потом?!

Марта Тарарыкова*Магистрант 1 курса факультета международных отношений направления «Зарубежное
регионоведение» ВГУ***Сероглазый парень**

И откуда только взялся
этот парень сероглазый?
На беду или на счастье
мы когда-то повстречались?..

...Мелкий дождь в окно стучится.
Жалобно гудят стропила.
Как вообще могло случиться,
что я серый полюбила?

Но молчит упрямо дождик,
стуком в грусть меня вгоняя.
Вместе с ним молчишь ты тоже,
каплей по стеклу стекая.

Серый – цвет разлуки долгой
и ненужных обещаний.
Надоело ждать без толку,
давит груз немых прощаний.

Но меня ты не услышишь,
парень с серыми глазами...
Дождь устало бьёт по крышам,
не спеша идя дворами.

* * *

Март – за окном, а на сердце – февраль,
радость сменяют тоска и печаль.
Гонит весну вьюга снежная прочь,
день застилает бескрайняя ночь.
В этом – вся жизнь и её круговерть,
что не сломают ни войны, ни смерть.
Вечна борьба между злом и добром,
мы выбираем одну из сторон.
Но неизбежна победа добра,
свет не погасит коварная тьма.
Мир проживёт ещё сотни веков,
Если в нём царствовать будет любовь.

Надежда Третьякова

Выпускница фармацевтического факультета ВГУ. Член Союза писателей России

Тотемное

Посвящается моей дочери

Гватемальская бурая неясить.
Птица такая, во мне живущая,
В гнезде высоком детку малую берегущая,
Не дотянуться с земли, дотянувшись – на ветру отплясывать.

Глядит, не мигая, глазами-блюдцами,
А они не бьются,
Не трескаются по краю,
В горниле огненном раскаляются – не сгорают,
Видит неясить на сто миль кругом.
Со спины не крадись, мой милый, не становись врагом,
Не тяни, сапсан, свои лапы дерзкие, не лети стрелой,
Промахнёшься, не вышвырнешь матери из гнезда!
Даже если я сегодня к тебе спиной,
Я всегда на страже, милый мой. Я всегда...

Я учту попытку похитить моё добро.
Оглянусь,
Присмотрюсь,
Затаюсь...
А ночью выстрелю,
Блюдца-прожекторы на тебя направлю,
Бесшумными крыльями воздух взрезав,
Бесшовными нитями затяну – следа не останется,
Вот так мамины слёзоньки отливаются!
Цепкой лапой тебя, захватом когтистым, крылом свободным!
Пополам переломишься, с обрыва рухнешь!

Мечь –
это блюдо,
которое подают
холодным.

* * *

Я бес-крылое
 бес-крайнее
 бес-сердечное
 Чувство твоё вечное

Я бес ввинченный в твой
 макет головной
 То ли мозг
 То ли лава
 О да, ай лава-лава
 Ю
 Тень твою
 Боль твою
 Рожу твою
 Полупьяную
 Полунемую
 Полную поцелуев
 Её поцелуев бордовых
 Неистовых
 Бес-смысленных
 Ею в тебе расхристанных

Она бес
 Бес-толковая
 Бес-полезная
 Бес-новатая
 Четырёхугольная
 То ли ватная
 То ли замшевая
 Поди —
 потрогай
 Пальцами проведи
 Хохот в её груди
 Рвётся наружу:
 Я покажу тебе, — говорит, — покажу!

Будешь болтаться на ниточке
 Маленький но громадный
 А она вся такая... плиточка
 Шоколадная
 Тает на языке
 Болтает на языке
 Непонятном и неизученном
 Что ж ты такой измученный?!
 Бес-сознательно-е
 С ноги на ногу переминается
 В паху набухает
 В спину ей упирается
 Если она спиной к тебе прикручена
 Встроена
 То ли в мозг
 То ли в пах
 То ли этот безумный её запах
 Не даёт опомниться
 То ли она — бес-сонница
 То ли она бес

Сам ты бес
 Бес-совестный
 Бес-путный
 Словно бы бес-
 -телесный

Бес попутал бес попутал бес попутал
 Аминь, — говоришь, — аминь
 Ай лава-лава Ю
 Честно!

Владимир Тулупов*Декан факультета журналистики***Из лирического дневника**

* * *

Чужую тайну, честь и верность
и память добрую храни,
прими ошибок эфемерность
и слабости друзей пойми.
Они достойны заблуждений,
как и поступки недругов,
на что в годину поражений
они бывают щедрыми
Умей благодарить и слушать,
жить и работать по часам,
и закрывай от лести уши,
мчись к новым в жизни рубежам.
Не замечай чужую слабость
и сплетни, слухи о себе,
но прежде – от успеха радость
не замечай! И он к тебе
прибудет снова, коль терпенье
проявишь к козням всех врагов,
и самых близких поведенье,
как и болезнь, стерпеть готов.
И главное, умей услышать
Глас Божий, прелесть тишины,
призывы совести... Но... Тише...
Сближения сердец слышны?

* * *

Характер прихотлив –
как море, как погода:
прилив и вновь отлив
в любое время года.
То солнце, то туман,
то дождь, а то вдруг ведро,
вчера был ураган,
безветренно сегодня...
Столь странный организм –
есть на него управа?
Иль вечен дуализм:
где лево, там и право?..

* * *

Во внуках ищем мы себя,
находим мелочи, детали,
и сами, время торопя,
желаем, чтобы внуки стали
чуть-чуть похожими на нас,
а может быть, на наших предков...
Находим цвет похожий глаз
или движения кокетки...
Всё дорого и близко нам,
мы, задержать пытаюсь время,
надеемся, что где-то там
всё ж прорастёт и наше семя.

* * *

На фотографии смеющийся крепыш –
у мамы на коленях, без штанишек...
Что ждёт тебя, беспечнейший малыш,
что в книге жизни рок тебе напишет?
Как простодушен облик малыша,
как трогательны взгляд его и поза,
и как же его мама хороша –
в простом халатике, простоволоса...
Счастливой будет иль несчастной жизнь?
Что с вами в этом мире станется?
Остановись, мгновение, продлись,
ведь вместе быть немного им останется:
он станет юношей, придёт война,
ему – окоп, родня – в блокаде...
История семьи, увы, грустна...
Мгновенье счастья в фотоаппарате...

Галина Хожаинова*Доцент кафедры биохимии и физиологии клетки ВГУ*

Приносит зимний ветер бурю,
 Весенний дарит нам любовь,
 Колышет веточки сирени
 И будоражит юным кровь.
 В зной лета красного прохладу
 Июльский ветер принесёт
 И в траву горы спелых яблок
 Одним дыханием собьёт.
 Сентябрьский ветер осторожно
 Срывает жёлтую листву.
 Как будто бы ещё возможно
 Вернуть ушедшую красу.
 И дуновеньем так неожиданно
 Вдруг бабье лето принесёт,
 Да паутин златые нити
 Любви последней разошлёт.
 Октябрьский ветер беспощаден,
 Хотя порою очень тих.
 Он гонит серых туч громады,
 Дождём в лицо нам моросит.
 Он дуновеньем неустанно
 Тоску и грусть на сердце шлёт,
 Но в то же время так неожиданно
 Любви мятежной жизнь несёт.

Отзвучавшие в сердце капли,
 Не сойдутся вовек параллели.
 И бредут неустанно две линии
 Вроде вместе, но как-то в унынии.

Параллели, бегут параллели.
 Гулким эхом доносятся трели.
 То поют голоса их синхронные,
 Почему-то всегда монотонные.

Параллели, как жить, параллели?
 Две бушующих разом метели,
 Два звенящих ручья на рассвете,
 Две прямые не встретятся вместе.

Параллели, двух глаз параллели.
 Прошлой осенью сердце мне грели
 И своими лучами живыми
 Неожиданно счастье открыли.

Параллели, лишь две параллели.
 Сколько слов мы сказать не успели.
 Жизнь несётся стремительным кругом,
 Мы – две линии друг перед другом...

Данила Цыбанев*Студент факультета романо-германской филологии***Ночь, неразделённая любовь и я**

По ночам я бы курил,
 Если бы курить не бросил,
 Облокотившись на перила;
 В подъезде поджигая осень.
 Дымом глаза бы жёг,
 Горечью б горло коверкал.
 Потом бы по улице шёл.
 Шёл и курил бы, наверное,
 Не оглядываясь в точку «б»,
 Которой даже нет на карте.
 Подождённой отравой тушил пожар в избе.
 Да не изба, там ума палата.
 Палата, оттого и маюсь,
 Оттого и по ночам колобродить.
 Одинокий, как лермонтовский парус,
 Хотя он мне и не нравился, вроде.

Бояться пустой пачки, как выстрела.
 Есть только ночь, неразделённая любовь и я.
 Каждую не выкурить, но выстрадать.
 Курение – это целая философия.
 Пускай теперь Кантов с Платонами
 Оставят, наконец, в покое.
 Забудь и про физику с её фотонами:
 У нас теперь дело другое.
 Табачные компании бросают круг
 Спасательный: «Перетянись, дружок!
 Забудь про тот душевный недуг,
 Пока не пришёл твой срок».
 Никотин снова меня наводнил:
 Эта страсть, наверняка, хлеще морфия
 Морфий, правда, никогда не вводил.
 Есть только ночь, неразделённая любовь и я

* * *

Массивный, крутой, как скалы,
 Но мягкая, нежная, гибкая.
 Острый, как ножик, оскал
 И теплота улыбки.
 Камень, тесак, кулак.
 Горный цветок, ладонь.
 Силой или никак.
 Ласка, что тушит огонь.
 Двигатель и тормоза,
 Как голова и сердце.
 Шея и голова –
 Мама моя и отец.

Время уметь терпеть
 Или чувствовать время.
 Рваться в небесную твердь
 Или земное бремя.
 Слон, носорог, лев:
 Хищный и зубы скалит.
 Лань и лиса, лес –
 Тихий шорох дыхания.
 Марс или Венера,
 Он или она,
 Зевс, а рядом с ним Гера.
 Штиль или волна...

Анастасия Червинская

Выпускница физического факультета ВГУ, участник и победитель конкурсов «Стихоборье» и «Конкурса переводчиков им. С. Я. Маршака»

Незнакомая страна

Когда мальчишкой был ещё, на вишню я влезал
 И, сидя среди густых ветвей, за всеми наблюдал.
 А сверху вид совсем другой – лежит трава ковром,
 И сверху маленьким совсем мне кажется мой дом.

И лентой убегает вдаль лазурная река,
 И медленно, как острова, плывут в ней облака.
 Пылит дорога вдалеке. Куда она ведёт?
 А по дороге человек с котомкою идёт.

Ах, если б дерево найти повыше мне, тогда
 Я смог узнать, куда течёт лазурная река.
 Куда впадает: в море ли иль, может, в океан?
 Куда с котомкой на спине шагает старикан?

Волшебник это, может быть? Домой он держит
 путь,
 Взмахнёт лишь палочкой своей – игрушки оживут.

(Из Р. Л. Стивенсона)

Художник Анна Федяева

Мечта о доме

Кто на чужбине не бывал,
Тому, наверно, незнакома
На сердце сладкая печаль,
Мечта о доме, мечта о доме.

И как к себе б меня ни звал
Прекрасный берег незнакомый,
За сотни вёрст уносит вдаль
Мечта о доме, мечта о доме.

Пускай там ярче солнца свет,
И луг там – более зелёный,
Но для меня дороже нет
Мечты о доме, мечты о доме.

(Из Т. Мура)

Дмитрий Чугунов

Профессор филологического факультета, член Союза писателей России

Забившись в уголок кресла,
Я стану маленьким – большим
Я был уже. Мне всё известно.
И всё рассеется, как дым.

И я судить умею здраво
О всех лекарствах и делах,
И знаю: на земле не правы,
А правы – там, на небесах.

Мой день закончится лишь тенью
Меня, неведомой другим,
Но я молчу. Без сожалений.
А что сказать? Поговорим,

Когда последний суд настанет
И там я так же буду мал –
В надежде, что куда-то канет
Всё то, что в жизни вытворял.

У меня нет собаки и нет ружья,
Да и осень не та, и век не тот,
И негромкий вопрос: «пригожусь ли я?» –
Не сказал бы, что ночью спать не даёт.

В долгой мороси сладок покрышек шум,
И ноябрь, и холод – всё за стеклом,
За рулём передумаешь много дум:
О неясном будущем и о былом.

Чёрных пашен масло, туман вдали,
Тишина пьёт чай среди серых холмов,
Яко на Небеси, так и на земли
Ты откройся мне, Отец всех Отцов –

И не нужен станет автомобиль,
И тем более двадцать первый век,
Я смахну с лица водяную пыль
И пойду вперёд – я, человек,

И, наверное, где-то среди берёз,
Потемневших, усталых, как образа,
В дождевых каплях горячих слёз
Я увижу на небе Твои глаза

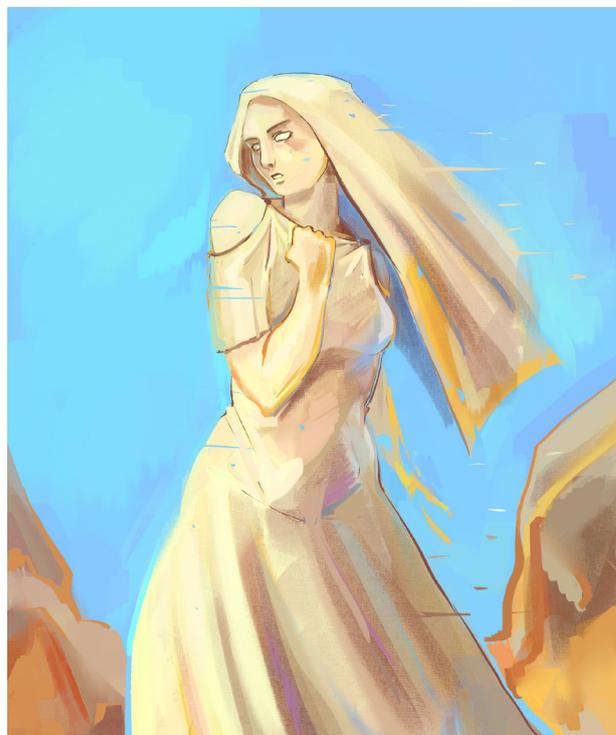
Инна Шульгина*Выпускница факультета журналистики***Жена Лота**

Милая, не смотри назад.
 За спиной ты увидишь ад.
 Не оглядывайся, не плачь
 И глаза поскорее спрячь.

Дорогая, ускорим шаг,
 Нам с тобой этот город – враг.
 Нам с тобой этот город – лжец,
 Нам велел уходить Отец.

Будем там, где чиста трава,
 Где прохладой шумит листва.
 Где нет страха, и смерти нет...
 Но не слышу я твой ответ.

Начинается огненный снег,
 Лучше нам перейти на бег...
 ...Пламя падало, как вода.
 Ты осталась там навсегда.

Художник Софья Чуева

* * *

Ветхий дом, дрянная крыша
 Мышки бегают, шурша.
 Их под полом много, слышишь?
 Это, брат, моя душа.

Подмету я каждый угол,
 Паутину уберу,
 Злую мысль, что ночью будит,
 Я в глухой чулан запру.

Окна вымою до блеска,
 Заведу себе кота.
 Но ты знаешь, что случится,
 Если в доме нет Христа.

Пусть закрою двери – глухо,
 Ключ, замок, щеколда, клей.
 Но уже пришли без стука
 Семь непрошенных гостей...

Иван Щёлоков

*Выпускник филологического факультета, главный редактор журнала «Подъём»,
председатель регионального отделения Союза писателей России*

* * *

За окном у меня тут — сосны,
А над соснами — небо, небо.
Я — не Пушкин, сюда не сослан,
Сам приехал: души потреба.

Всё привычно тут, всё знакомо.
Чищу снег и кормлю синичек.
В доме — пушкинский старый томик:
В день — с десяток-другой страничек...

Не страдаю от недосыпа,
От зазнайства и от напастей.
Сам себе я назначил ссылку —
Поостыть от житейской страсти.

Рядом с Пушкиным, в самом деле,
Даже чудо случиться может.
Тут в рождественскую неделю
Пахнет хвоей и снегом тоже.

* * *

Звени под февральскую замять,
Былинка на синем снегу.
Твой звон — как поющая память,
Где быть я собою могу.

Где мальчик гуляет с девчонкой
По речке — ладошка в ладонь,
Где вьюг серебристые чёлки
Из щёк высекают огонь.

Где он не проронит ни слова
И где не умолкнет она
От счастья такого простого,
Что в мире теперь не одна.

И будут былинки шептаться
С обоих речных берегов
О тех, кому только шестнадцать,
В ком чувства правдивее слов...

Года — отзвеневшие льдинки,
А тронь — зазвучат над тобой
И песней февральской былинки,
И голосом девочки той.

Сын плотника

Если чаша сия неминуема,
Если Слово в гортани стрянется,
Крестный путь Его предсказуемо
На Голгофу и к Небу тянется.

В шлемах римляне вдоль обочины
В камни вкопаны вместе с копьями...
Иссечённый в кровь, поколоченный,
Он идёт меж знати с холопами.

Сморят волками да шакалами.
Не впрямую взгляд — только в сторону.
Он идёт, он идёт... Над скалами
Кружат вороны, кружат вороны.

Жаждут вороны свежей кровушки.
Ор в толпе: «Распни, вдруг опомнится!...»
Не нашлось гвоздя для головушки:
Вся с Креста к земле виснет-клонится.

Здесь пощады нет Сыну плотника.
Тяжек Крест. Светла Богородица.
Ходят недруги строем плотненьким...
Что ж тут странного? Всё как водится!

* * *

Мне солнце ничего не обещало,
Ответных слов и я не обещал.
Оно всходило и меня вращало,
Чтоб я себя вокруг него вращал.

Всё это в нас ещё со дня творенья,
Всё будет до скончания времён...
И солнцем станет, даже на мгновенье,
Девчонка, если ты в неё влюблён.

Случатся войны и затихнут снова,
Тьму потеснит небес победный свет...
Во мне звучит, как и в начале, слово,
И до сих пор ему замены нет.

И счастлив я, что в сердце много солнца.
Оно меня вращает, я — его.
И свет повсюду мудрым словом льётся,
Не требуя в награду ничего.

На солнце – вспышка.
На сердце – выплеск...
Что в тягость – вышло.
Случился выстрел.

С пластинки – Моцарт.
Ликут терцы.
Над бездной солнце –
Горящим сердцем.

В небесной печке,
Как в доме пышку,
Румянит вечность
От вспышки к вспышке.

А в чьём-то сердце,
Плюя на солнце,
В армейских берцах
Век в драку рвётся.

Звучите, Моцарт,
Светло, протестно
В просторном солнце
И в сердце тесном!

Июль на даче
Макушкой вышел.
Жизнь что-то значит
От вспышки к вспышке.

Октябрь напридумывал время туманов,
Туманов любви и туманов войны.
Дожди по распахнутым душам каштанов
Шагают без всякого чувства вины.

С дождями и я – торопливо-невнятный.
И каждый мой шаг – будто новый фальстарт.
Ах, сколько расколото душ, перемято,
Впечатано в серый холодный асфальт!

Любовь – это сказка, война – это сущность.
А время меж ними – добро либо зло...
На фоне дождей и туманы всё гуще.
С ненастьем и нас не туда повело.

И сердце разбитым каштаном тревожит,
И ищет для счастья надёжный приют.
Но вряд ли увидит и вряд ли поможет
Дождями упрятанный в зонтики люд.

Придумал бы что-то другое, багряный!
Всё меньше любви и всё больше войны...
И падает сумрак на землю каштаном.
И нет ни намёка на чувство вины.

Наши гости

Алексей Бондарев

Выпускник ВГТУ, кандидат физико-математических наук. Работает в сфере информационных технологий. Участник литературного объединения «РоемFM». Публиковался в журналах «Подъём», «Северная окраина», «Луч», в альманахах «День поэзии ВГУ», «Царицын». Лауреат нескольких поэтических конкурсов

Осколки

Что-то пошло в этом мире не так:
Больше не слышно тупого «тик-так».
Ветер навстречу, пронзительно-колкий,
В небе луны неразменный пятак,
Под сапогом захрустели осколки.

Ветер беснуется. Злая пора.
Слева в груди холодеет дыра.
В прошлом остались обман, недомолвки
И в дурачка ролевая игра.
Вот он финал – на асфальте осколки.

Кончен последний пустой разговор,
Ворон надрывно хрипит: «Невермор».
Прав ты, провидец, но лучше умолкни.
Утренний дворник сметёт, словно сор,
Сердце, разбившееся на осколки.

Художник Мария Бочаева

Разговоры о влажном

Здесь нет и не было просвета,
Уже три века хлещет дождь.
По руслу Невского проспекта,
Дождю доверившись, идёшь.

Плывут небесные потёки,
Смывая фальшь, смывая ложь.
И с ними в сизые потёмки
Тебя ведёт хозяин-дождь.

Мосты, кофейни, музыканты,
Екатерины и Петры,
Зеваки, кони и атланты,
Фасады, арки и дворы –

Всё растворяется, и тонет,
И гаснет в мареве дождя,
И ты в разорванном хитоне
Похож на питерских бродяг.

Идёшь, подмочен и простужен,
Во власти вечного дождя.
А капли пузырятся в луже,
Чуть слышно разговор ведя

О городе размытых красок,
О мокром камне и стекле,
О самом добром и прекрасном,
О самом влажном на Земле.

25 марта 2026 г.

Про заек

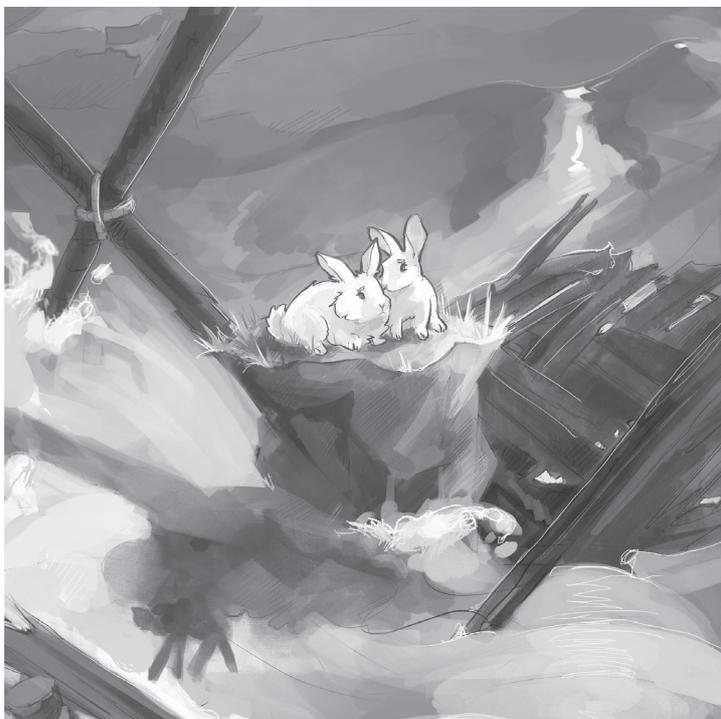
Нахлынуло буйное море, бушует цунами,
Уносит волной всё живое. Мы держимся, зай,
За эту несчастную кочку. Я верю: за нами
Плывёт в плоскодонке спаситель наш, добрый Мазай.

«Приди, милосердный», – пищат наши заячьи души.
Старик наше племя в разлив не единожды спас.
Не плещут ли вёсла? Топорчим вертлявые уши.
Вдруг лодка вдали ускользнёт от косых наших глаз?

Пыхтят мимо нас и «Варяг», и «Челюскин» и «Красин»,
Двух заек не видят они на сухом бугорке.
А вот и челнок! Но сидит в нём угрюмый Герасим,
И сучка трепещет в его богатырской руке.

Каков живодёр! Вся надежда на деда Мазая.
Мы ищем по запаху, носиком тянем волну.
Является струг, и на нём Стенька Разин. Ой, зая,
Что ждать от такого? Он за борт бросает княжну!

Вон тонут «Титаник» и станция «Мир» вземная,
На дне «Наутилус», и буря ломает плоты.
Дрожащую лапкой я крепче тебя обнимаю
И верую в лодку Мазая. А веришь ли ты?

Художник Софья Чуева

Дарья Гузеева

Член Союза писателей России, член Союза журналистов России, старший преподаватель кафедры общеобразовательных дисциплин ЦФ ФГБОУВО «РГУП им. В.М. Лебедева», куратор Литературного молодежного центра г. Воронежа

Ты проснёшься,
у нас уже – вечер.
Время суток
разное. Вечер
у тебя, у меня – утро.
Воздух счастья –
вселенская сутра.
Нам ли знать
Желанья природы?
Мы, как птицы,
Дышим свободой.
К солнцу, к свету
Летим. И не спится
Этим летом. Мы птицы,
Мы птицы...

Воздух осени жесток,
Прогоняет лето.
Для кого-то он неплох.
Но я не об этом...
Солнце! Где ты?
Где листва?
Паутинка счастья?
Только дождь стучит с утра,
Шлёт на нас ненастье.
По листве пройдем с тобой,
Улыбаясь ветру,
Солнца я возьму с лихвой,
Света километры.

Выросли крылья.
И точка.
Без многоточий.
Срочно
Я напишу по строчке...
И удалю звоночки...

Отчего болит душа?
За душою ни гроша,
Нет дороги впереди –
Все – туман.

Постарайся не спеша
Путь начать чуть дыша.
За звездой вперед иди!
Не обман

То, что видишь. Ты поверь,
Не захлопни в счастье дверь
И не попади, как зверь,
Ты в капкан!

Ничего про тебя не знаю,
Но как будто знаю всю жизнь.
Что любил и ценил – угадаю,
И представлю, как ты играя
В детстве с дерева падал – дрызнь!

Будто в школе сидели за партой
И бежали вприпрыжку домой.
Что счастливой выпало картой?
Как нашёл ты свой путь прямой?

Я не знаю фактов и чисел,
Всех событий в прошлом твоём,
Но я знаю: в небесной выси
Нам начертано быть вдвоём.

Илья Дмитриевич*Студент ВГТУ***Дождь в Крыму**

Сосны держат в душных лапах
с крепкой дерзостью вождя
кисло-пряный запах
киммерийского дождя.
Шум воды наполнил чашу,
уж безмерный горизонт
впился золотом в гудящий,
безутешный вечный Понт.
И с востока воет ветер
кавалькадой дикарей,
чтоб растаять в новом свете,
вновь исчезнув в пене дней.

Verweile doch! Du bist so schön!

Случайно отражённый тонкий луч
застрял промеж листов стеклопакета –
измятый пылью золотистый ключ
от бабьего тоскующего лета.
Отложен бесноватый листопад,
от лени в двушке сладко спит дендролог,
и дрозд буравит воздух невпопад:
здесь день, что кальпа, бесконечно долог.
В сухой траве притих кузнечий рой,
(застывшим гимном не добудут славы!),
сбежавшей надтроллейбусной звездой
разбавлен сумрак розовато-ржавый.
Ракушки опустели. Синева
под ночь идёт в общажные берлоги,
вот зычный лай на резкие слова –
дворняжки бдят, как молодые боги.
Молчит *zuitwest*, отчаянный буян,
заснул водохранилищу на милость,
наутро не сгущается туман,
как будто время здесь остановилось.

a little jazz on the edge of fall

Так несвежий гербарий,
сохранитель листвы с замерзающих почв:
пятируких желтух, паутинок тимьяна и проч.
ожидает в пожаре,
чтоб без скуки летела сентябрьская ночь.

Так немаркий прохожий,
первороденный мытарь из зычной толпы,
став изгоем, довлеет на ветхую плоскость стопы.
Под холщовой кожей
наслаждается хладом дождливой крупы.

Так неважный охотник
метит в утку, но палец роняет с курка,
и весёлая птица неспешно летит в облака;
даже мелкий тенётник
после встречи с таким проживает века.

Так и я в сотне комнат,
диким зверем, сбежавшим от сети, мечусь
и в бездонное утро науке испуга учусь.
Пусть ничто не напомнит
запах крови открытых отчаянных чувств.

Алина Каваракова*Ученица МБОУ СОШ № 68***Позвоните любимым без повода**

Позвоните любимым без повода:
На минуту, в делах, — ну и пусть!
Чтоб за тонкою линией провода
Исцелить беспросветную грусть.

Позвоните — ещё ведь не поздно,
Чтоб сказать, что на белом свете
Столько есть одиноких взрослых —
Что скучают так сильно, как дети.

Позвоните им, хоть на минутку!
И узнайте, как быт и работа.
Просто истина в тысячах шуток —
Что всем нам так нужна забота.

Может быть, соберётесь на праздник?
Посмотреть, как растут ваши дети.
Самый важный закон для счастья —
В том, что каждый друг другу ответит.

Ведь скучаете очень-очень.
И ночами порою не спите.
Так в сомненьях, в пустых многоточьях,
Без причин, просто так позвоните!

Подбежав к сокровенной трубке,
И, застыв на секунду у провода,
Позвоните им. Хоть на минуту!
Позвоните любимым без повода!

Чаще загадывай

Чаще загадывай. Точно всё сбудется!
Будь мимолетной, игривой, неправой.
Той, что летит, словно ветер, по улице
И на себя не находит управы...

Ливень? Плевать! Можно прыгать по лужам.
В плеере новая песня от «Пиццы».
Классно, что сердцу никто и не нужен,
Значит, пора безнадежно влюбиться!

Втрескаться «по уши», так, чтоб на годы!
В море, в людей и в своё одиночество.
Нет для мгновений нелётной погоды —
Делай, как чувствуешь. Чувствуй, как хочется.

Не примеряй ни ролей, ни картинок.
Не заедай ни в быту, ни в работе.
Помни, что люди — не пара ботинок.
Верь лишь душе, а не смятой банкноте.

В общем, на жизнь выбивай своё право!
Смело ступай по заполненной улице.
Яркой, беспечной. Не всем будь по нраву,
Чаще загадывай. Точно всё сбудется!

Художник Таисия Рыбак

Наталья Сергеева*Активная участница поэтической жизни Воронежа*

* * *

Забить невозможно, память на ключ – да в озеро.
 Нечего думать о прошлом: давно проехали.
 Незачем помнить детали, сама заморозила,
 всё отключила нарочно – ну не успехи ли?

Новые мысли и новые люди – вот они!
 некому только душу открыть – а надо ли?
 вроде нормальные, но кажутся идиотами,
 может, они в этой жизни ещё не падали?

Может, не знают, как ноет кровоточащее?
 может, не слышали хрипов сердечка битого?
 Что для них правда и кто для них я, настоящая?
 сильная-смелая? богом и чёртом забытая?

Где эти близкие, нужные для молчания,
 «дай обниму» и в глаза глубоко смотрящие?..
 Слезы мои вытирающий без ворчания,
 Благодарю за терпение в уходящем...

Хватит душевной лирики – будем новыми!
 старыми мы накрутили всего да напутали.
 годы шуршат мишурой и ветвями сосновыми,
 мелькают, мелькают мгновениями и минутами.

Алексей Ютишев*Член поэтического клуба «Левобережье»***Сон**

Дремлют холмы седые,
 Варят туманы в чане.
 Вырастет солнца дыня.
 Я – это сон случайный.

Утро зажгут, качаясь,
 Звёзд мировые спички.
 Небо – всему начало.
 Я – это сон обычный.

Что ты, извечный странник,
 Небо о свете молишь?
 Мысли летучи стали.
 Я – это сон всего лишь.

Что ты горюешь молча,
 Черпая слёзы в ковшик?
 Смотрит улыбка волчья.
 Я – это сон продрогший.

Образы сказок детства
 Мыслей лавиной смыты.
 Вход – на опушке леса!
 Я – это сон забытый.

Правда всему – идея.
 Мысли всему – посредник.
 Без году жизнь неделя.
 Я – это сон последний.

...
 Падают на рассвете,
 Как от похмелья, вишни.
 Надо вставать (по смете).
 Я – это сон излишний.

Птицами – утро в уши,
 Солнца пожар раскурен.
 Я – это сон ненужный.
 Эй, поднимайся, дурень!

Памяти Виктора Михайловича Акаткина

Однажды я спросил Виктора Михайловича, как он стал руководить Днём поэзии ВГУ. Он задумался и ответил так, как и должен был ответить советский человек. Вызвали в партком университета, поставили задачу. Кому же, как не филологу и известному литературному критику, заниматься поэтическими делами?! Виктор Михайлович выслушал поручение и принялся за дело. И принялся ответственно и с душой.

Его деканский стол, начиная, наверное, с декабря, всё более заваливался рукописями, которые несли признанные и пока ещё никому не известные творцы. Некоторые, стесняясь, забежали торопливо в его отсутствие, едва не бросали свои опусы секретарю и – убежали. Нужно было ещё догадаться, от кого эти стихи!

Стопки стихов росли и росли, достигая своих вершин к концу февраля. Иногда самого декана и не было видно из-за них. Прочитывая принесённое, Виктор Михайлович ставил на понравившиеся ему произведения двойную галочку, напоминавшую эмблему «фольксвагена».

Затем следовало вооружиться ножницами и отсечь бездарные стихи от того, что было интересно. Сейчас, конечно, процесс отбора проходит намного проще. Однако тогда компьютеров ни у кого не было. Впрочем, может быть, и к лучшему. Поэты не скрывались за непонятными никами в Сети и не подменяли личное общение использованием электронной почты. Требовалось собственноручно написать или напечатать на машинке тексты и лично принести их в деканат филфака.

Виктор Михайлович всегда радушно взмахивал рукой, приглашая пройти, усаживал на стул напротив своего стола и начинал общение. Ему было интересно, что за человек этот новый поэт, заглянувший к нему. Многих он, конечно, знал давно и хорошо, но при этом никогда не уставал присматриваться к дерзкой и стремившейся заявить о себе молодёжи.

Так, собственно, познакомился с ним и я. К середине первого курса в моей творческой биографии уже были смешные попытки покорить журнал «Подъём» и местную писательскую организацию, были публичные выступления вместе с литературной группой «Зинзивер» в различных местах Воронежа, однако о Дне поэзии я, к стыду своему, не знал. И вот кто-то из преподавателей, узнавших, что я сочиняю, посоветовал заглянуть к нашему декану.

Боже, какую жалкую и раздражительную поэзию я тогда принёс ему! Из шести или семи стихотворений сам бы я сейчас не взял в альманах ни одно. Ведь вместо того, чтобы перепевать любимого Блока, куда лучше и полезнее почитать самого классика.

Однако, получив в руки тонкий газетный выпуск со стихами – приложение к газете «Воронежский университет» за 1989 год, я увидел внутри целых два своих «шедевра»! Позднее, лет через тридцать, я спросил Виктора Михайловича, заглянув к нему в гости домой: «Почему же Вы всё-таки напечатали нас тогда?» («Нас» – это юных зинзиверовцев.) Виктор Михайлович без всякой паузы ответил: «Так ведь чувствовался в вас потенциал!»

Конец восьмидесятых – начало девяностых, действительно, были временем, когда случались удивительные вещи! Ещё вчера вся жизнь шла по-старому, а тут вдруг раз – и сегодня ты открываешь для себя что-то новое, удивительное! Вот Виктор Михайлович и открывал себе и миру новичков в поэзии. Поддерживал их бережно. В живом общении по-доброму направлял, объяснял непонятные вещи. Верил в их будущее.

Конечно же, нам, молодым, только вступающим на волнительный путь литературного творчества, иногда казалось, что в выпусках альманаха нас недооценивают, что всяких «стариков» и «знакомых» печатают в куда большем объёме! Так случается во все времена. На-

25 марта 2026 г.

пример, сейчас, будучи сам редактором альманаха, я мог бы порассказать не одну историю о том, как на меня обиделись те или иные поэты. И сейчас же я лучше понимаю Виктора Михайловича в пору его руководства Днями поэзии. Как увидеть в начинающем скрытый пока талант? Как поддержать его публикацией, но так, чтобы не заронить в душу семена гордыни и самовлюблённости? Как вежливо отказать кому-то? Как найти баланс между опытом и дерзновенным поиском? Сложное это дело...

Виктор Михайлович тянул редакторскую ляжку больше двадцати лет. Были и весёлые, лёгкие годы, случались и тяжёлые. Например, в начале двухтысячных номер альманаха пришлось однажды распечатывать в совершенно пожарном порядке на деканатском принтере. Типография в тот год отчего-то запорола обычную печать.

Альманах получился чёрно-белым, листы были скреплены скобками обыкновенного степлера. Однако он всё-таки увидел свет! Пожалуй, этот выпуск стоит считать теперь раритетным!

Выйдя на пенсию, Виктор Михайлович не перестал интересоваться поэтическими делами. Регулярно мы созванивались с ним, обсуждали тех или иных авторов, он предлагал свои материалы к публикации. По-прежнему собирал новые выпуски альманаха, добавляя их к своему собранию. Чувствовалось прежнее равнодушие к поэтическому Слову.

Оглядываясь назад, я думаю: тридцать семь лет моей жизни я всегда ассоциировал Виктора Михайловича и День поэзии. Пусть же и в этом году, уйдя уже в мир иной, он появится на страницах альманаха – хотя бы в этих воспоминаниях, в стихах, ему посвящённых...

Дмитрий Чугунов

Лариса Зимина

Выпускница филологического факультета, краевед, организатор многих историко-культурных мероприятий, давний участник «Дней поэзии ВГУ»

ВАМ!

Виктор Михайлович Акаткин

Есть имена и есть такие даты...

А. Т. Твардовский

Сердце сжалось от горькой вести,
И не знаешь, с чего начать,
Чтоб без пафоса и без лести.
На устах молчанья печать.

Был своим, по-отечески мудрым,
За собою вёл факультет,
И спокойно вставало утро,
Когда он входил в кабинет.
День поэзии нянчил полвека,
Опекал поэтов – «хороших и разных»,
И хвалил, и ругал человек,ов,
Если что – помогал безотказно.

Честный критик без идеологии,
Создавал свою Антологию –
От Твардовского и Светлова
До любимого Льва Коськова.

Стих родился, понятно, не кратким –
Что сказал бы профессор Акаткин?
Посмотрел бы, прищурясь, строже:
– Речь не о том,
Но всё же, всё же, всё же...

Дебют

Художник Диана Жукова

Евгений Веретельников

Школьник, планирует поступать на филфак ВГУ

Не подражая никому. Естественно с грустью

Это Что-то более броское, чем Бродский
– Вы маячили там, где бродил Маяковский.
Это Что-то бесстыжее Рыжего
– Вы стихами моими барыжили.

Это Что-то более протестное, чем Летов
– Мой одиночный дом в квартале «Победа».
Это что-то сбоку в блокноте Блока
– Ваша история в стиле барокко.

Это Что-то болело, но читал вам Бодлера.
Ваша любовь мне, та chère, как решётки вольера.
Кавалера искала дама-холера
– Моя смерть имеет ваши манеры.

25 марта 2026 г.

Светлана Даткова*Выпускница физического факультета*

* * *

Это было давно.
 Шла одна я по улице мрачной.
 Грустно было, в душе тяжело...
 Незнакомый прохожий взглянул, улыбнулся,
 Прижал к сердцу – и стало легко.
 Те слова, что сказал, никогда не забуду.
 С той поры много лет уж прошло...
 «Не горюй, мать. Пробьёмся!
 Я верю: у тебя будет всё хорошо».
 Думаю, лишь в России умеют
 Боль чужую понять и помочь.
 А в других, даже если поймут – не сумеют
 Воспитанье своё превозмочь.

Светлана Дубровина*Планирует поступать на филологический факультет ВГУ*

* * *

Укрыло тьмою побережье Крыма,
 Лежал на волнах ровный лунный свет,
 Сидела я на пирсе недвижимо,
 Мне минуло в ту пору восемь лет.
 Темнели силуэты Кара-Дага,
 Плескали тихо волны о песок,
 И у воды на камне под корягой
 Пристроился со скрипкой паренёк.
 Прикрыв глаза на звёздные просторы,
 Он нежно прижимал её к груди,
 И ввысь лилась мелодия, как горы,
 Вздывавшиеся к небу позади.
 И всё казалось дивным, точно в сказке,
 И целый мир летел навстречу мне:
 Высоких звёзд пленительные краски
 И блик луны в темнеющей волне.
 И приостановилось будто время,
 И я, смотря на лунное кольцо,
 Сорвав с души стесняющее бремя,
 Глядела прямо вечности в лицо...

Зал музыкалки полон необычно:
 Идёт последний выпускной концерт,
 Стою я за кулисами привычно,
 Мне минуло вчера пятнадцать лет.
 И вот среди тупого ожидания
 У старого холодного окна
 Я вдруг ловлю знакомое звучанье
 И вздрагиваю, точно ото сна.
 И слышится со сцены приглушённо
 Забытой сказки призрачный отсвет,
 И я стою, застыв заморожено,
 Как и тогда, в былые восемь лет.
 И снова сквозь меня несётся время,
 И кажется, что жизни нет конца...
 Вот только душу жмёт сухое бремя,
 И нет манящей вечности лица,
 Вот только вместо гор – глухие стены,
 А вместо моря – старенький паркет,
 Вот только наступили перемены,
 И мне теперь уже пятнадцать лет.

Елизавета Лоскутова

Магистрант филологического факультета ВГУ

Перевернутое небо под ногами стелется.
Звонко сосны шумят в вышине.
Все, что было одним, переменится,
Изменив очертанья во мгле.

Ты шагнёшь в бездну леса – оступишься,
Затеряешься в жёлтой листве.
А дорога усыпана осенью,
Ветер гонит всё ближе к зиме.

И дороги, меняясь, сплетаются,
Чаща леса сменяется городом,
И уходят во тьму поезда...
Скоро снова наступит весна.

Художник Диана Жукова

Художник Таисия Рыбак

Марина Межевитина

Филологический факультет, БИД, 1 курс

Вдохновенье

Зачем любить? – Чтоб было вдохновенье.
А жить зачем? – Чтоб им дышать.
Чтоб иногда хоть на мгновенье
Была наполнена душа.

Чтоб иногда хоть на минуту
Забилось чьё-то сердце чаще.
Чтоб иногда хоть на секунду
Познать в нём истинное счастье.

А что потом, когда любовь пройдёт? –
Когда пройдёт, то наслаждаться грустью.
Она, подобно наважденью,
Со временем тебя отпустит.

А после – новая любовь,
Ты снова поменяешь почерк.
Опять по кругу: радость, боль
И неизбежность многоточий...

А если жизнь закончится, тогда? –
Тогда лететь навстречу облакам,
Одним из них в полёте обернуться
И, рассыпаясь каплями дождя,
К кому-то вдохновением вернуться.

Художник Анна Дешевых

Елизавета Серебрякова*Студентка факультета романо-германской филологии***Ich möchte Leuchtturm sein**

(Wolfgang Borchert)

Перевод с немецкого

Мне нужно ярче маяка
Светить, когда бушует шторм –
В крошечной тьме, издали
Для каждой лодки в утешение –
Хотя корабль мой, при том,
Сам терпит вечное крушение!

For each ecstatic instant

(Emily Dickinson)

Перевод с английского

За каждый миг счастливый
Расплата болью ждёт.
За лучшие порывы
Жизнь выставляет счёт.

За каждый час восторга
Заплатим вдвое мы –
Жизнь не потерпит торга,
Она – не даст взаймы.

Перевод отрывка стихотворения «Валерик»**(«Я к вам пишу случайно; право...»)****М. Ю. Лермонтова на английский**

I write to you with no intent,
Having no hopes or any goal.
To make you happy and content
For now I've got no right at all.
Yes, I remember you – but, Lord,
You know it very, very well;
And still in any of your thoughts
The ghost of me ceases to dwell.

You needn't know where I might be,
To which remote place I belong.
My soul's completely strange to thee,
My faith in love's no longer strong.
And yet again I look behind
And read the pages of the past,
I know for sure that my cold mind
Will turn old impulse into dust.
It's comic – for so many years
To fake my heart and play it cool.
I must confess that it appears
So empty, hopeless, such a fool –
Awaiting love that drives insane,
Dissemble, lie... That's all in vain.
Today, all feelings have the end.
But I remember you. I do –
I tried to flee and to contend,
But there's no way forgetting you.

Вадим Стогов*Студент юридического факультета***Цветы**

Пионов романтизм и скромность,
Мимоз весна и постоянство,
Нарциссова лихая гордость,
Петуний пышное убранство,
Ранункулюсова взаимность,
Тюльпано-мартовая верность

И гипсофилова невинность,
Ромашки белая уверенность,
Гибискусная долговечность
И альстромерева духовность,
Гвоздично-траурная вечность
И после роз на всё готовность.

Анастасия Цурикова*Студентка филологического факультета*

Принцессы не курят и не ругаются матом
 Они зло не вернут и злом не отплатят
 Их учили прилежно плести и вязать
 Их будущей властью взялись обязать

Но только не вышло из нас юных дев
 Принцессы принимают престол королев
 Королевы жестоки, обращаются с ядами
 Для них власть и интрига остаются наградами

Королевам свойственно величие богов
 Они самой смертью освобождены от оков
 Врагов королевы ждёт худший кошмар
 И никто не сотрёт золото с этих тиар

Принцессы ночами стреляют из автоматов
 Принцессы не курят и не ругаются матом

*Художник Анна Дешевых***Екатерина Шаврина**

Качаясь, стонет карусель,
 Грустит душою повреждённой,
 Скулит, как пострадавший зверь,
 Потерянный и измождённый.

Спит обозренья колесо,
 Забыв своё предназначенье.
 Скрип производят в унисон
 Кабинок лёгкие движенья.

В густые заросли кустов
 Свалились лодочки – качели.
 Не слышно детских голосов
 В пустынном парке развлечений.

Затих весёлый автодром,
 В своём покое жутковатом.
 Всё дремлет беспробудным сном,
 Всё уничтожил мирный атом!

Тот день прощальною весной...
 И Припяти больные стоны...
 Свидетель бедствия немой –
 Разбитый парк аттракционов.

Застыл, как мрачный силуэт,
 Как символ пережитых бедствий.
 Так будет спать он сотни лет,
 Храня разрушенное детство.

Жанна Юрова

Экономический факультет

Вторая жизнь

Моё сердце тает, словно лёд,
 При виде тебя
 И чёрно-белый мир станет цветным.
 Мои эмоции яркие, как твоё лёгкое платье.
 Словно сломанную куклу,
 Разобрала, исправила, собрала, отмыла, причесала –
 Дала вторую жизнь.

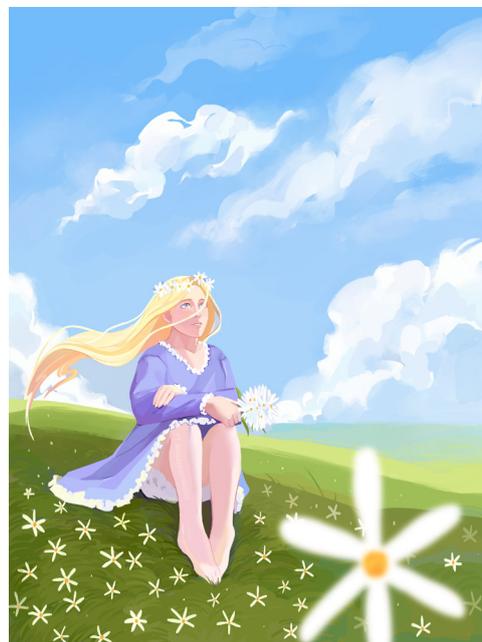
Знаешь, это так странно – ощущать себя живым.

Художник Анастасия Онуфриева

Диалог с собой

Мы в ромашковом поле, нам по десять.
 Облака плывут так быстро, а время такое медленное.
 Вдалеке слышен гул машин.
 Сейчас сплётём венки, пофотографируемся, нарвём букеты
 и счастливые потопаем домой.
 Я в ромашковом поле, мне двадцать.
 Облака плывут так быстро.
 Время бежит всё быстрее.
 Сплету венок, сделаю фотографию, нарву букет
 и пойду домой.
 Вокруг гробовая тишина, или это я оглохла
 от собственных мыслей?

Художник Альбина Каминская

Из Беларуси

Анастасия Артемьева

Арцём'ева Анастасія Ігараўна (2002, г. Гомель). Магістрант Гомельскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Ф. Скарыны, выкладчык Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта транспарту. Вершы пачала пісаць у 11 гадоў. Друкавалася ў альманахах «Пралеска», «Нам Новой Белица предстала», «Рыцари слова». Уздзельнік і пераможца розных паэтычных конкурсаў і фестываляў («Браславская обитель», #ЧИТАЙГОМЕЛЬ, «Переводы Али Шогенцукова на белорусский язык», «Беларусь-Россия. Сожские берега дружбы», «На семи ветрах», «Витебский листопад» і інш.). Перакладалася на ўкраінскую мову ў рамках IX Міжнароднага маладзёжнага Фестывалю-конкурсу паэзіі і паэтычных перакладаў «Берега дружбы» ім. Л. Ю. Севера. Член абласнога літаратурнага аб'яднання «Слово» пры Гомельскім абласным аддзяленні ГА «Саюз пісьменнікаў Беларусі» і Літаратурнага аб'яднання «Новая Белица».

So Far София

Словно тебя, волевая вода,
Режу на торт небольшие года,
Эта вода проложила тогда
Путь в города.

Через пороги речные домов
В узкие стены больших городов
Только вперед уплывает река
И навсегда.

Стены уходят на дно, Полота
Плавно уходит с Двиной в города,
Стены со дна наблюдают туда,
Где никогда

Не были сами, и только крылом
Чёрным разводит пятно над мостом,
Белым по синему замкнутый ртом
Смотрит дурдом.

Он намычал всем другим головам:
Если вас нет, то кому передам?
Всё, как узнал, если верить ушам,
Служит углам,

Жемчуг со дна безусловно следит,
Сколько река безучастно твердит:
Кто-то изнаосится, где-то сгорит...
Этот стоит.

Описаны

Время приручено, приручено,
Точно какой зверёк,
Небо усыпано в многоточие —
Семкам родней кулёк.
Шахматы не консилиум:
Каждому свой конёк,
Не посягай на минимум,
Маленький Горбунок.
Вилами воды писаны,
Речи да в решето,
Все мы весьма описаны —
Писарь неясно кто.

Художник Полина Полякова

Кров на сто лет

Притих соседский дом, как тот соседский
Давно забытый Богом ранний сад,
Куда пустил лозу рыбацкой лески
Вьюночно дистрофичный виноград.

Под гроздьями его гнезятся птицы,
Чей щебет не страшит мохнатый кот,
Чей щебет не равняется на спицы
Часов, идущих задом наперёд.

И дом стоит. И строит там же леший
Своё гнездо, приют для слабаков,
Где слабый пол – лишь пол, который мыши
Грызут, сдирая налом со счетов.

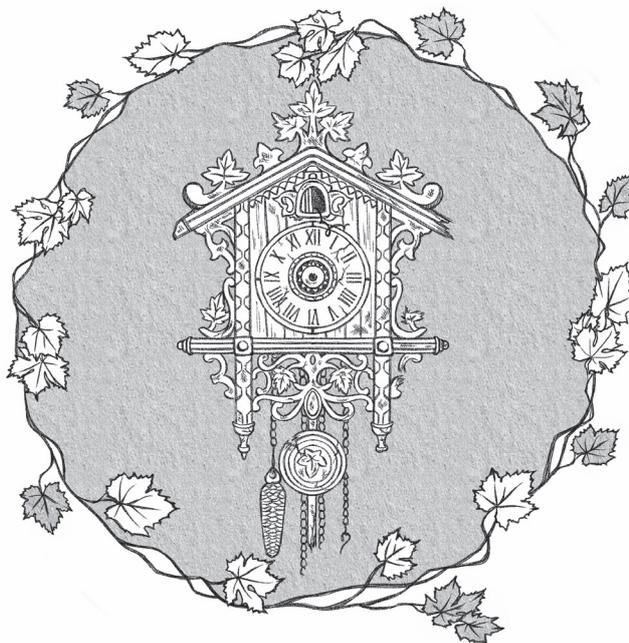
И дом тот превращает время в сбитень,
Пьянящий разум вечно молодым,
Подбрасывая дров в чуть тлевший фитиль
Для тех, кто там не более чем дым.

А дым ползёт по венам паутины,
Ловя на мушку мух и комаров.
Забот полно, и заповедь рутины
Расхлёбывает залпом ветхий кров.

Держи свой свод, как держит это небо
Стареющий за всеми вечный лес
Свой горизонт, гигантское плацебо,
Внушающее времени свой вес.

А весит он не больше веса века,
Стерегшего, как Вий, свои сто лет,
Сто лет стоишь, сто лет стоит опека,
Наставивши дамоклов пистолет.

И выстрелит. И выстрелит височно,
И дом свой сложит с грохотом скелет,
Ведь то, что воздвигают на бессрочно –
Не строят на какие-то сто лет.

Художник Анна Федяева

Теория банального пространства

Банальному пространству, будь от стен
До чайных ободков в пустом стакане,
От синих до февральского колен
И вплоть до головы в телеэкране,

Важны не чаты дома, этажа,
Не в прошлом кто какую свергнул гору,
А в комнате чтоб было дважды два
И пыль распределять по Пифагору.

Банальному пространству наплевать
Не на тебя, но прямо в потолок,
Ему б, как паразиту, прорасти
В твой мозг, желудок, в каждый позвонок,

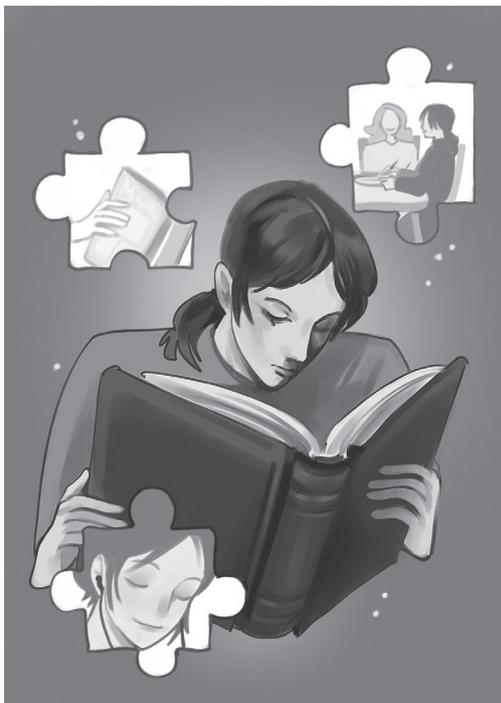
Ему не всё равно, что ты тут стал
Заложником привычного убранства,
Иначе бы никто не развивал
Теорию банального пространства.

Художник Полина Полякова

Звёзды костра

Босиком собирает рассвет
 Капли сладкие выпавших рос,
 И кострище на старости лет
 Не трещит, что опасно всерьёз.
 Писк бездомно свободных зверей
 Этим утром как будто исчез
 В дебрях вечнозелёных ветвей,
 Просто ты сам в себя же залез.
 Но без бремени душных телес
 Криком аиста б в землю твердить,
 Что в тебя не вселяется бес,
 Что с тобою легко говорить...
 А мы птицы, что жутко одни,
 Говорим в звёзды, как в решето,
 Где молитвы стекают, как дни,
 Где всё кем-то за нас решено.
 Ночью вновь заиграют огни
 И костёр разбазарит тепло,
 Он пускает вверх звёзды свои
 И горит всему мраку назло.
 До твоей одинокой души
 Всем кострам далеко наплевать,
 И поэтому просто иди
 Сам же звёзды свои создавать.

Художник Лиза Дремачева

И всё же

И всё же знания – это слабость:
 Когда не видишь – идёшь вслепую,
 И каждый шаг доставляет радость,
 Пусть даже каждый из них впустую.

И всё же юмор дороже хлеба,
 И все герои остались в марвел,
 И даже Господ смеялся с неба,
 Когда к чему-то стремился Дарвин.

И всё же книги для жизни тесны,
 И всё же души вместились в кости,
 А в мыслях крутится строчка песни,
 А в доме ценятся только гости.

Анатоль Брусевіч

Анатоль Брусевіч – паэт, перакладчык, літаратуразнавец, лаўрэат прэміі часопіса “Дзеяслоў” “Залаты апостраф” (2017).

Нарадзіўся 28 верасня 1977 г. у г. Гродна. Закончыў філалагічны факультэт Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы (1999), пасля – магістратуру (2000) і аспірантуру (2003) па спецыяльнасці “Літаратура народаў краін замежжа (польская літаратура)”. У 2004 г. абараніў кандыдацкую дысертацыю “Фактары беларускай культуры ў творчасці Адама Міцкевіча віленска-кавенскага перыяду (1815-1823 гг.)”, а ў 2025 г. – доктарскую дысертацыю на тэму “Станаўленне і ўзаемадзеянне паэтычных парадыгм у эстэтычнай прасторы беларуска-польскага культурнага памежжа (XIX – пач. XX ст.)”.

Аўтар кніг паэзіі “Дуэль” (1992), “Падаю ў неба” (2006), “Апошні дзень” (2013), “Крылы” (2021), шэрагу навуковых артыкулаў, прысвечаных беларуска-польскім літаратурным сувязям, вучэбнага дапаможніка “Фактары беларускай культуры ў творчасці Адама Міцкевіча” (2008) і манаграфіі “Беларуская і польская паэзія другой паловы XIX – пачатку XX ст.: станаўленне і дыялог мастацкіх парадыгм” (2024).

Вершы Анатоля Брусевіча перакладаліся на англійскую, грузінскую, літоўскую, польскую, рускую мовы.

Дуэль

Дуэль паміж жыццём і самагубствам.
Хто выйграе – не ведаю пакуль.
Два секунданта – розум мой і глупства.
Хто выйграе – не ведаю пакуль.

Падаю ў неба

Падаю ў неба і брудныя плошчы
З кожным імгненнем вышэй.
Падаю, моцна заплюшчыўшы вочы,
Каб не глядзець на людзей.

Людзі не могуць пападаць у неба,
Маючы крылы віны,
Падаюць толькі нашчадкі Венеры –
Праўнукі бога вайны.

Падаюць тыя, хто здолеў заплюшчыць,
Але не страціць вачэй.
З кожным імгненнем і людзі, і плошчы
Тонуць глыбей і глыбей.

Художнік Анастасія Шурыгіна

Крылы*Урывак з паэмы*

Думаў, буду як вецер –
 Заўсёды юным, вясёлым
 Светлавалосым дэндзі
 З вачыма колеру колы.

Думаў, буду як неба –
 Заўсёды мудрым і шчырым:
 Пясок змыю залевай,
 Раллю снягамі накрыву.

Думаў, буду як рэха –
 Заўсёды ўсім адгукацца:
 На смех – гэтым жа смехам,
 На трэнас – вусцішным плачам.

Праўда, пакуль я думаў,
 Сусвету шалі шалелі –
 Людцаў гушкалі тлумы,
 Не горш за тыя арэлі.

Гушкалі аж пад зоры
 На радасць рэху і ветру,
 На страшную злосць хворым
 Хваробай зорнай паэтам.

Гушкалі і крычалі:
 «Далоў гармоніі пугты!
 Волю сусветным шалям!
 Нябёсы – простаму люду!»

Аб крык гэты шалёны
 Ушчэнт разбіліся цені
 Тых маўклівых мільёнаў,
 Што гушкацца не хацелі.

А ўсё таму, што мільёнам
 Глухіх і сляпых паяцаў
 Раптам стрэльнула ў голаў
 Людзьмі сур'ёзнымі звацца.

Стрэльнула: рыкашэтам
 Прабіла ў нябёсах дзірку
 На злосць рэху і ветру,
 На радасць анёлам дзікім.

Сталі ўцякаць анёлы
 З аблокаў праз дзірку тую,
 Бо ўсім хочацца волі,
 А пер'е не ўсім пасуе.

Кожны з іх быў цікавы
 Да тых ці іншых пытанняў:
 Што лепш – піва ці кава?
 Што горш – смерць ці каханне?

Ці ёсць нейкі фарватар
 Паміж бяздзеяствам і чынам?
 Бяспечней паслаць матам
 Мужчыну альбо жанчыну?

Так на бакі чатыры
 У пошуках праўды-маткі
 Збеглі, кінуўшы крылы,
 Толькі блішчэлі іх пяткі.

Художник Диана Жукова

Апошні дзень

Апошні дзень самотнага стагоддзя
 Я змог пражыць з адчыненай душой,
 І праз мяне ізноў прарос спакой,
 Нібыта мох на вывернутым плоце,
 І мары, што загінулі даўно,
 Ускрэслі, каб не здзейсніцца ніколі.
 Апошні дзень асунуўся паволі
 Пяском жыцця на дно прыгожых сноў.

З неапублікаванага

Я не здрадзіў азёрам маёй неспакойнай радзімы,
 У люстэрку якіх адбіваецца вольнае неба,
 У глыбінях якіх галасы пералётных анёлаў
 Патанулі аднойчы, каб зліцца са спевам русалак.
 Я не здрадзіў, хоць сам разумею, што гэтага мала –
 Заставацца сабой. Не бывае свабоды без болю.
 Не бывае. Ды толькі душа мая ўжо адбалела,
 Адцвіла, абляцела і знікла ў азёрных глыбінях.

Художник Анастасия Онуфриева

Татьяна Мальчикова

Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины

февральский май

если можно дать руку, дай.
 если можно быть рядом, будь.
 только в сердце сейчас февраль,
 и дальнейший неясен путь.

обними, если есть тепло.
 улыбнись, если лёгкость есть.
 чтобы лёд внутри обожгло,
 я поверю в любой твой жест.

каплю мая бы в мой февраль.
 ведь добро побеждает зло?
 если можно дать руку, дай.
 обними, если есть тепло.

Художник Арина Пронкина

Художник Таисия Рыбак

к девочке-зиме

к девочке-зиме спеши,
успей, пока тепло.
в тетрадку «вечность» запиши,
пока дрожит стекло.

ступай за ней, не трогай лёд –
осколки не для вас.
она узнает и поймёт,
какой сегодня час.

не бойся вьюги и снегов:
ты важен для неё.
мороз – для тех, кто был суров, –
холодное ружьё.

лети, пока глаза горят,
глубокие глаза.
прикосновения холодят,
но не ступай назад.

возьми за руку и скажи
в печальное лицо,
что это только рубежи,
что будет хорошо.

по стуку милых сентябрей
в открытое окно
к девочке-зиме спеши,
успей, пока тепло.

Художник Мария Бочаева

домой?

я бежала за неизвестностью,
не понимала, куда стремиться.
но хотелось делиться честностью
и улыбаться в родные лица.

понимаешь, хотелось гореть
и все кадры хотелось запомнить.
двадцать пятый – и замереть.
и двадцать шестой узаконить.

там мелькали объятия с вечностью
и хотелось кричать: «постой!»
я бежала за неизвестностью,
когда просто хотелось домой.

наши руки есть воспоминания

наши руки есть воспоминания.
от маленькой детали до большой.
когда мы от боли слезы вытирали,
когда дверь открывали домой.

когда касались тех, кого нет в живых,
когда обнимали так нежно и сильно,
когда писали тайны в книжках записных,
когда искали диск любимого мультфильма.

когда переплетались руками друг с другом,
когда различным зверькам умилялись,
когда жестами смешили поникших друзей,
чтобы они улыбались.

когда волосы поправляли, красоту наводили,
когда из книжек черпали знания,
когда помощи у Бога просили...

наши руки есть воспоминания.

Виктория Смолка

Смолка Вікторыя Валер'еўна нарадзілася 22 сакавіка 1996 г. у горадзе Гродна. Вершы піша з маленства. Скончыла з адзнакай філалагічны факультэт і магістратуру Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Выпускніца аспірантуры Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Піша на беларускай і рускай мовах для дзяцей і дарослых. Член Саюза пісьменнікаў Беларусі

Квітнеюць півоні

Пад родным акенцам квітнеюць півоні,
Яны прыхілілі галоўкі ў паклоне.
Сумуюць па леце, якое мінула,
Калі любавалася імі бабуля...

Цяпер засталіся на свеце сіроткі...
Каму яны дораць свой водар салодкі?
Салоўку, што ціўкаць зарой прылятае,
У раі на тонкай галінцы сядзе?!

А кветкі што людзі: усё разумеюць,
Хоць словамі выказаць думку не ўмеюць,
Пялёсткамі шэпчуць, пад ветрык гамоняць
Пра тых, каго любяць, пра тое, што помняць...

Художнік Альбіна Камінская

Художник Альбина Каминская

Художник Полина Полякова

Художник Ирина Астрединова

Матуліны рукі

Рукі матуліны песцяць, люляюць,
Цела з душою яны ацаляюць
Дотыкам кожным ласкавым, як лета!
Покуль маленькі, запомні ўсё гэта!

Можа, калісьці – у веку дарослым –
Прыклад любові, вялікай, узнёслай,
Ты прыгадаеш – і спыняцца мукі:
Зверху пакрыюць матуліны рукі!

* * *

Спіць маленечкі ў вазочку:
Люлі-люлі, баю-бай!
Усміхаецца сыночку
Сінявокі небакрай!

Кожнай кропляй звонкі дожджык
Крок у крок за ёй ідзе,
За шчаслівай і прыгожай,
Што вазочак той вязе.

Восень мудрасцю і ласкай
Сцеле сцежачку далей...
І шуміць цудоўнай казкай
Спадарожнік-ліставей!

Да іконы Маці Божай Феадораўскай

Шчочкай прыпадае да Яе Сыночак –
Міг замілавання на вачах у нас!
І ліецца радасць трапаром святочным,
Сонейкам іскрыцца залаты Абраз!

Маці пакланіцца ручайкі збягуцца,
Як вясной, увосень – на Яе Пакроў!
І няхай малітвы да Прачыстай ткуцца,
І Хрыстос збірае дарагіх сяброў!

І Любоў, і Ласку, і Святло, і Міласць
Лікам Цудатворным паказала нам!
Божым падарункам і вялікім дзівам
Выбрала Царыца наш утульны храм!

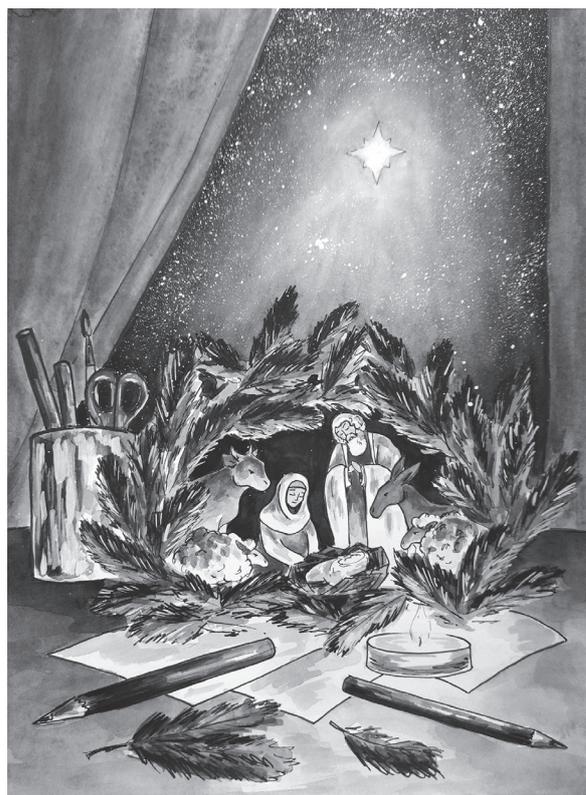
Раство Хрыстова

У вяночку з утульных ялінак
Затаіўся святочны Абраз!
Нарадзіла Прачыстая Сына,
Уцялесніўся Бог дзеля нас!

Залацяцца саломкаю яслі,
Вочкі мудрыя плюшчыць ягня
Ад ласкавай Матулінай казкі
Ці ад Зоркі, якая з акна

Шле праменьчыкі, ноч асвятляе...
І на дыбачках ціхі сняжок –
Не чуваць, не пазнаць, як ступае...
І лунае вяшчун-галубок,

Дабравесціць на ўсё паднябессе:
“Нарадзіўся Сын Божы, Хрыстос!”
Самы час праслаўляць Яго песняй,
Колькі моцы і радасці ёсць!

Сонечная радасць

Як сонейка зімовым днём прыгрэла,
Навеяла пра лета напамін...
З парога гаспадыня нас сустрэла
У футрачку пушыстым і рудым.

Прыветліва, гасцінна запрашае,
Хутчэй да нас заскоквае на стол!
“Вы каву ці гарбату?” – разважае, –
“А я пайду пагойсаю вакол!”

Так сумна без увагі, як дзіцяці,
Наколькі, мы не ў сілах уявіць!
Дазволім пагуляць па роднай хаце
Гарэзаю і “драпкаю” пабыць!

Пакуль у нас ці кава, ці гарбата,
Уліцца аж карціць у дыялог!
Няхай! Маленькай частачкаю свята
За намі ходзіць сонейка штокрок!

Прыемна так з усмешкай самай светлай
Імгненні залатыя пражываць
І набірацца сіл! Таго быць сведкай,
Як можа радасць душы саграваць!

Художник Ирина Астрединова

Художник Анастасия Шурьгина

Ахоўнік добрых сноў

“Няма дрэнных сноў!” – адказала бабуля,
 Стамілася моцна, прылегла без сіл...
 А я паўтараю, як быццам не чула:
 “Бабуля, мне страшна, са мной пасядзі!”

Ну як патлумачыш дзіцяці малому,
 Што просіць увагі са слёзнай мальбой?
 Бабуля ўстае, адхінаючы стому,
 Ідзе да мяне, і на ложкачак мой

Ахоўнік сядзе на самы краёчак:
 “Хвілінку пабуду з табою – і спаць!” –
 Гучыць яе голас, як срэбны званочак,
 І казкі жыцця пачынае казаць...

Маленства, юнацтва, і радасць, і смутак –
 Гартае старонкі святая душа...
 А рукі яе так ласкава, ціхутка
 Люляюць і песцяць мяне, малыша.

І добрую казку завершыць малітвай
 У Божую ласку мяне перадасць...
 І толькі пасля той хвілінкі вялікай
 На дыбачках пойдзе свой сон даглядаць!

Карина Ткач

Ткач Карына. ГДУ імя Францішка Скарыны, група РЗ-21

Шлях Душы

Навошта мы тут, сярод гэтых хмар?
 Чаму блукаем у жыцці, як у густым тумане?
 Чаму сэрца прагне, шукае свой дар,
 Каб зразумець усё, што нам зроблена ў свеце.

Можа, сэнс – у любові?
 Яна грэе нам душу,
 У доры добрага слова.
 У шчырай усмешцы?
 Можа, ў тым, каб аддаць усё, што маем,
 І не чакаць нічога ў адказ, што нясецца?

Можа, сэнс, ён, у працы, што робіць нас моцнымі?
 У стварэнні прыгожага, вечнага, нязменнага?
 Можа, ў тым, каб пакінуць след свой, што будзе жыць,
 Нягледзячы на час, што бяжыць неўтаймавана?

Можа, сэнс – у пазнанні, у мудрасці вечнай?
 У раскрыцці таямніц, што схаваны глыбока?
 Можа, ў тым, каб зразумець сябе, сваю праўду,
 І знайсці свой спакой у душы?

Можа, сэнс – у сям’і, у каханні, у дзецях?
 Можа, ў тым, каб жыць кожны дзень, як апошні,
 І цаніць кожны момант, што нам лёсам дадзены.

Сэнс жыцця, ён як зора, што свеціць далёка,
 Яго не ўбачыць адразу, трэба шлях свой прайсці.
 Ён у кожным імгненні, у дні, і ў кроку,
 У тым, як жывем, як мы любім, як ждём.

Так хай жа кожны знойдзе свой сэнс,
 Свой уласны шлях, сваю мэту, сваё прызначэнне.
 Няхай любоў, дабрыня, мудрасць вядуць,
 Да таго, што сапраўды важна, што будзе жыць.

Художник Лиза Дремачева

Адкрой, каханы, сваё сэрца,
Хай любоўю запануе.
Кожнае слова, кожны погляд,
Душы нашы аб'яднуе.

Ты маё сонца, маі зоры,
Што свецяць ноччу пад луной.
Маёй душы ты ўсёй зварот,
Найлепшы, наймілейшы плод.

Твае вочы – як нябёсы,
Чыстыя, без хмар.
Твае вусны – як рабіна,
Смачней за летні сад.

Хай спявае ў сэрцы песня,
Я запалонена табой.
Мы ўдваіх – адно імгненне,
Пад любоўнай гульнёй.

Хай гарыць агонь у грудзях,
Не згасе ён ніколі.
Мы з табой – адна надзея,
Адзін шлях, адна няволя.

І ў хвіліны сустрэчы нашай,
Калі дорым адзін аднаму,
Шчасця, кахаання кошык,
Пацалунак адзіны таму.

Из Србији

Тияна Йокич

Живёт в Србији. Давний друг Дней поэзии ВГУ

Ја ћу те чекати

Ја ћу те чекати!
Месец, годину или две,
могу проћи и деценије...
И живот цео!
Ја ћу те чекати.

Када си одлазио, била је зима...
Кроз прозор сам гледала...
Пахуље су по теби падале,
а затим су те у снежној белој измаглици
моје очи изгубиле,
само су хладноћа и пустош тишине уз мене
остале.

И стигло је пролеће,
а ја сам те чекала...
И летња врелина је неприметно ишчезла,
и златна јесен је већ прошла,
а ја сам те и даље чекала...
И зима је поново дошла,
а ја сам те још увек чекала,
за твојим сам ликом трагала!

И више се не сећам,
колико је зима и пролећа прошло...
Сећам се само да те је срце неуморно чекало,
да ми је наду у тренуцима очаја враћало,
наду да ћеш једном с пролећа,
доћи са првим зрацима сунца,
са нежним ђурђевком у рукама.

И стигло је пролеће!
И ти си дошао!
И цвеће је цветало!
И ја сам цветала!
Топлина сунца твоје љубави ме је грејала!

Ја буду ждати тебе

Ја буду ждати тебе сколько надо,
Может месяц, год или два,
Могут пройти десятилетия
Или даже жизнь вся,
Я всё равно буду ждати тебя.

Когда ты уходил, была зима,
Я тогда смотрела из окна,
Как снежинки засыпали тебя,
А потом уже в снежной, белой дымке
Потеряли тебя мои глаза,
Осталась лишь пустая, холодная тишина.

Потом пришла весна,
А я тебя ждала...
Незаметно исчезла летняя жара,
И золотая осень уже ушла,
А я всё равно ждала...
И зима опять пришла,
А я всё-таки ждала,
Но не было тебя!

И я уже не помню,
Сколько зим и весен прошло,
Но сердце ждати тебя не переставало,
Надежду в отчаянии мне возвращало,
Что ты однажды весной,
С первыми лучами солнца придёшь,
Нежные подснежники мне принесёшь.

И наступила весна!
И ты пришёл!
И цвели цветы!
И цвела я,
Пока солнце твоей любви согревало меня!
Пер. М. Буйич (Лапыгиной)

У истом граду

У истом граду живимо,
а да се сретнемо не можемо.
Тако смо близу, а тако далеко.
Када се ја успављујем, ти се будиш.
И тако је увек.

У истом граду живимо,
али не можемо бити заједно.
Као да је у нашем граду много светова,
међусобно раздвојених.

У једном свету живиш ти,
у другом ја,
и иако једно друго осећамо,
ми не можемо бити заједно.

У једном трену,
разни се светови преплићу.
При таквом распореду планета,
чудесна светлост обасјава наша два света.

У новом свету,
рођеном укрштањем два стара света,
ми можемо бити заједно,
у истом граду.

В одном городе

Мы в одном городе живём,
А встретиться не можем.
Мы так близко и так далеко.
Я засыпаю, ты просыпаешься.
И это всё.

Мы в одном городе живём,
Но мы не можем быть вдвоём.
Как будто в нашем городе много миров,
Которые сосуществуют,
Разделённые преградами.

Ты в одном мире живёшь,
А я в другом,
Мы друг друга чувствуем,
Но не можем быть вдвоём.

Только в это мгновение
Наступает разных миров переплетение.
При такой расстановке планет
Начинает освещать нас чудесный свет.

Пересечением двух старых миров
Рождён новый мир,
В котором мы можем быть вдвоём,
В городе одном.

Пер. М. Буйич (Лапыгиной)

Ја не разумем овај град!

Ја овај град не разумем!
Некада ме он, међу облацима, сунцем обасјан,
својим насмејаним очима посматра,
веселу песму пева,
док по улицама нежни поветарац снева.
И у ритму тог града срце моје бије,
као и срце сваког другог који ту станује.

Понекад сама шетам улицама тог града,
топлином сунца он ми рамена греје,
тако ми је пријатно тада,
осећај спокоја и необјашњива радост у
мојој души влада,
па она пева у ритму тог града,
као и душа сваког који у њему живи сада.

На лицу ми се осмех појављује,
од среће ме блага вртоглавица омамљује...
И сви се други осмехују,
неземаљском љубављу се опијају...
Јер град међу облацима,
плеше са нашим срцима.
И док исти ваздух дишемо сви,
нераскидивом везом са њим смо повезани ми.

Некада се међу облацима скрива,
ћути, тугује, пати...
И не може се видети тада,
магла и тама царују свим улицама града.
Ниједно лице се не назире,
али да се нико не осмехује знамо,
сви увек исто осећамо!
Само глува тишина влада...
И несрећна су наша срца,
тужне су нам душе због нашег града.

Некада, међу облацима,
јеца, рида, страда...
И киша пада,
наше душе и срца плачу тада.

Некада, међу облацима,
урла, љути се, бесни...
Срце ми дрхти тада,
плаши се гнева тог града.
Ноћи су ми немирне и бесане,
не може да се снева од толиког гнева!

Умор и напетост доноси зора...
И срца су наша озлојеђена, увређена, повређена...
И душе су нам плачне и болне...
И нико не сме главу да подигне,
да га гнев тог града не сустигне!

И сви чекамо
да се град сунцем озарен,
појави опет међу облацима,
да нам се осмехује својим очима,
да пева, плеше са нашим душама и срцима.

Ја овај град не схватам,
али га волим
и душом и срцем осећам!

Я не понимаю этот город!

Я не понимаю этот город!
Иногда он солнцем озарён между облаками,
Смотрит на меня своими улыбающимися глазами.
Он весёлую песенку поёт,
Пока нежный бриз по улицам её несёт.
И в ритме этого города бьётся сердце моё,
Как и сердце любого жителя его.

Иногда я прогуливаюсь по улицам одна...
Он мои плечи солнцем согревает,
И мне так уютно, так спокойно тогда...
Благодаря необъяснимой радости поёт моя душа,
Поёт в ритме этого города,
Как и душа любого его жителя.

И я улыбаюсь тогда,
От счастья кружится голова...
И все другие улыбаются,
Какой-то неземной любовью опьяняются...
Ведь город между облаками,
Танцует с нашими сердцами.
Мы дышим воздухом одним,
Так прочно связаны мы с ним.

Иногда он скрывается между облаками.
Молчит, тоскует, грустит...
И его не видно тогда.
Все улицы застилают туман и тьма.
Невозможно увидеть проходящих людей лица,
Но все мы знаем, что никто не улыбается,
И это каждый раз повторяется!
Окутывает нас лишь глухая тишина...
И печальны наши сердца,
А в наших душах царит тоска.

Иногда между облаками
Он плачет, рыдает...
И дождь идёт тогда,
Ведь плачут наши души и сердца.

Иногда он между облаками
Кричит, сердится, злится...
Тогда сердце моё дрожит,
Его гнева боится.
Беспокойные, бессонные ночи мучают меня,
Как же уснуть от гнева этого города?!
Здесь страшная гроза...
И мы все напуганы тогда!

По утрам утомление и напряжение...
И обидой наполнены наши сердца,
Болят, кричат души наши тогда.
И никто не смеет голову поднять,
Чтобы ярость этого города не узнать!

И все лишь ждём,
Когда он, солнцем озарён,
Появится между облаками,
Когда начнёт улыбаться своими глазами
И петь, танцевать с нашими душами и сердцами.

Я этот город не понимаю,
Но зато я его люблю
И душой и сердцем ощущаю!

Пер. М. Буйич (Лапыгиной)

Содержание

Жизнь продолжается.....	3	Наши гости	41
Университетские поэты.....	4	Алексей Бондарев	41
Виктория Асадулина	4	Дарья Гузеева	43
Светлана Ахмедова.....	4	Илья Дмитриевич.....	44
Ольга Булахтина.....	5	Алина Каваракова	45
Владислава Бурносова	8	Наталья Сергеева.....	46
Роман Бутов.....	12	Алексей Ютишев	46
Лана Владимирова	13	Памяти Виктора Михайловича Акаткина	47
Татьяна Воронова.....	14	Лариса Зимина.....	48
Олег Гулько	16	Дебют	49
Кристина Егорова	16	Евгений Веретельников.....	49
Владимир Емельяненко	17	Светлана Даткова.....	50
Дмитрий Ендовицкий	18	Светлана Дубровина.....	50
Виктор Колесниченко	18	Елизавета Лоскутова	51
Настасья Ланкина	19	Марина Межевитина	52
Из цикла «Ана»	19	Елизавета Серебрякова.....	53
Оксана Лесовик	22	Вадим Стогов.....	53
Елена Пархоц.....	23	Анастасия Цурикова	54
Аркадий Пресман	24	Екатерина Шаврина.....	54
Валентин Рахманин	26	Жанна Юрова.....	55
Олег Рахманин	27	Из Беларуси	56
Лев Рудковский	29	Анастасия Артемьева	56
Елена Смолицкая	29	Анатолий Брусевич.....	59
Анна Степаненко.....	31	Татьяна Мальчикова	61
Марта Тарарыкова.....	31	Виктория Смолка	63
Надежда Третьякова	32	Карина Ткач	66
Владимир Тулупов.....	34	Из Сербии	68
Галина Хожаинова	35	Тияна Йокич.....	68
Данила Цыбанев	35		
Анастасия Червинская.....	36		
Дмитрий Чугунов	37		
Инна Шульгина.....	38		
Иван Щёлоков	39		

Литературно-художественное издание

День поэзии ВГУ LXX

Литературно-художественный альманах

25 марта 2026 г.

Редакторы-составители: *Д. А. Чугунов, Э. О. Пархоц*

Издано в авторской редакции

Подписано в печать 19.03.2026.

Формат 60×84/8. Усл. п. л. 8,4.

Тираж 200. Заказ 97

Отпечатано в типографии Издательского дома ВГУ
394018 Воронеж, ул. Пушкинская, 3